

Т. В. Андреева, Л. В. Выскочков
НИКОЛАЙ I: PRO ET CONTRA
(ЗЕРКАЛО ДЛЯ ГЕРОЯ)

Мне хотелось принять на себя все трудное, все тяжелое, оставить тебе царство мирное, устроенное и счастливое. Провидение сулило иначе. Теперь иду молить за Россию и за вас. После России я вас любил более всего на свете.

*(Николай I — цесаревичу
Александру Николаевичу перед кончиной)*

«Незабвенный» и «Царь-Христианин» для одних и «Николай Палкин» для других... а еще — «самодовольная посредственность с кругозором ротного командира», «коронованный барабанщик», «коронованный палач», «страж абсолютизма», «тюремщик русской свободы», «жандарм Европы», «польского края зверский мясник»... Кем же был этот государь и человек, запечатленный в памятнике-символе на Марииинской площади, третьем конном монументе столицы Российской империи*, последний император, давший название эпохе, последний царь, без охраны разгуливавший по улицам Петербурга? Привычные стереотипы и традиционные штампы зачастую оказываются неадекватными исторической реальности.

Два исторических события — 14 декабря 1825 года и Крымская война, — с течением времени превратившиеся в исторические символы, в разные эпохи властью и обществом использовавшиеся в различных контекстах, обозначили рубежи николаевской эпохи. При

* Подробнее см.: Выскочков Л. В. Третий конный монумент Петербурга (Памятник императору Николаю I на Исаакиевской площади) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 1997. Вып. 4. № 24. С. 24–39.

этом многие современники считали, что не случись Крымская война, восприятие и оценка царствования Николая I могли быть совсем иными...

Не подлежит сомнению, что подавляющее большинство российского общества приветствовало победу государственной власти в лице Николая I, подавившего «военный мятеж». Использование радикальным крылом декабристского движения насильтственного способа достижения исторического прогресса обусловило негативную реакцию на события 14 декабря, как столичного и провинциального дворянства, так и «властителей умов», т. е. дворянских интеллектуалов*. Потрясенный трагедией на Сенатской площади, *Василий Андреевич Жуковский* в письме от 16 декабря 1825 года ближайшему другу А. И. Тургеневу писал: «Мой милый друг. Провидение сохранило Россию. Можно сказать, что Оно, видимо, хранит и начинающееся царствование. Какой день был для нас 14-го числа. В этот день все было на краю погибели... Заговор точно существовал; волнение не было внезапным действием беспорядка минутного... Какая сволочь! Чего хотела эта шайка разбойников?... Можно сказать, что вся эта сволочь составлена из подлецов малодушных. Они только имели дух возбудить кровопролитие; но ни один из них не ранен, ни один не предпочел смерть... Презренные злодеи, которые хотели с такою безумною свирепостью зарезать Россию». При этом поэт подчеркивал, что только спокойствие, хладнокровие и неустранимость Николая I определили победу правительственные сил: «Николай представился нам совсем другим человеком; он покрылся честию в минуту, почти безнадежную для России».

На этом же акцентировал внимание своего адресата в письме от 19 декабря того же года Н. М. Карамзин, 14 декабря находившийся в Зимнем дворце и выходивший на Исаакиевскую площадь. Он писал И. И. Дмитриеву: «Новый император показал неустранимость и твердость. Первые два выстрела рассеяли безумцев с “Полярною звездою”, Бестужевым, Рылеевым и достойными их клевретами... Я, мирный историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятеж... Вот нелепая трагедия наших безумных либералистов!»** Слова восхи-

* Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т.13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833. М., 2004. С. 243–244.

** Цит. по: 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 213–214.

щения молодым императором и осуждения «злодеев», «мятежников», «разбойников», которые могли «погрузить Россию в потоки крови на 50 лет», нашли отражение в эпистолярии конца 1825 года А. Н. Оленина, братьев А. С. и Ф. С. Хомяковых, Н. И. Гречи и др. Верноподданнические чувства были выражены и устами поэтов — князя П. И. Шаликова («Стихи кн. П. И. Шаликова императору Николаю по поводу 14-го декабря 1825 г.»), И. И. Козлова, назвавшего день 14 декабря «спасением алтарей России и державы», Ф. Н. Глинки («Чувство русского при наступлении 1826 года»)*.

Тогда как глубокомысленный аналитик и друг старшего поколения декабристов — П. А. Вяземский в своем письме В. А. Жуковскому во время работы Следственной комиссии 26 марта 1826 года сокрушенno писал: «Я охотно верю, что ужаснейшие злодейства, безрас- судные замыслы должны рождаться в головах людей, насильственно и мучительно задержанных, тогда как правительство, опереженное временем, заснуло на старом календаре»**.

Однако в начале нового царствования доминирующей тенденцией было выражение общих надежд на проведение насущных реформ «сверху», «благодаря мудрости монарха, достойного блаженной памяти Петра Великого». Это находило отражение в письмах и записках 1826 года на имя Николая I видных декабристов и либералов, близкого им круга, публицистических высказываниях деятелей проправительственного лагеря, а также — первых отчетах III Отделения «о состоянии общественного мнения»***. Действительно, сопоставление Николая I с Петром I возникло сразу после событий 14 декабря 1825 года, т. е. еще задолго до аналогичного сравнения в записках маркиза *Астольфа де Кюстина*. Кроме указанных материалов, оно встречается в стихах Ф. Н. Глинки, А. Ф. Мерзлякова и даже А. И. Полежаева, драматических произведениях П. Г. Ободовского, лекциях В. Ф. Федорова и др. Вызванный в Москву из Михайловского А. С. Пушкин в стихотворениях «Стансы» и «Друзьям» также выражал надежды на молодого царя, призывая его «быть великим, как пращур, и милостивым». Даже подавление в 1831 году Польского восстания со стороны А. С. Пушкина,

* Бродский Н. Л. Декабристы в русской художественной литературе // Каторга и ссылка. 1925. № 8 [Кн.21]. С. 188.

** Остафьевский архив князей Вяземских: В 5 т. Т. 5. Вып. 2. СПб., 1913. С. 160.

*** Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственный политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 228–237, 709–736.

а также Петра Яковлевича Чаадаева и позже М. С. Лунина вызвало не критику, а одобрение действий правительства, которое «не могло поступить иначе, как покарать виновников восстания и восстановить свой поколебленный авторитет»*. При этом само восстание характеризовалось «большой ошибкой поляков», а их усмирение — благом России, для которой сохранение ее территории — «жизненный вопрос». В обстановке русофобии, вызванной подавлением «польского мятежа», А. С. Пушкин написал «Клеветникам России», стихотворение, изданное в одном сборнике с В. А. Жуковским**.

В годы «мрачного семилетия», после европейских революций 1848 года последним бардом императора Николая I стал *Аполлон Николаевич Майков*, написавший стихотворение без названия, в котором запечатлел величественный образ государя, «первого труженика народа своего», проезжающего по улицам в коляске с привычно откинутым верхом («Когда по улице в откинутой коляске»). Но в целом настроение интеллигентской элиты российского общества тогда уже было иным. Один из идеологов славянофильства *Алексей Степанович Хомяков* в начале Крымской войны написал стихотворение, в котором, говоря о необходимости идти «на брань святую», тем не менее призывал Николая I к покаянию:

Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданьям тяжело;
Своих рабов Он судит строго—
А на тебя, увы, как много
Грехов ужасных налегло:
В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна...***

Естественно, революционная демократия в лице *Александра Ивановича Герцена*, который был прощен императором за свои прегрешения молодости, в 1847 году ему было разрешено выехать за

* Лунин М. С. Письмо Е. С. Уваровой от 17 ноября 1839 г. // Лунин М. С. Письма из Сибири. М., 1988. С. 20–23; Он же. Взгляд на польские дела г-на Иванова, члена тайного общества Соединенных славян. 1840 г. // Там же. С. 117–124.

** На взятие Варшавы: Три стихотворения Жуковского и Пушкина. СПб., 1831.

*** Цит. по: Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993.

границу, не щадила Николая Павловича. В наиболее ярком свете негативный портрет Николая I представлен в очерках «О развитии революционных идей в России» (1851) и «14 декабря 1825 и император Николай» (1858), вызвавших критику современников*, а также мемуарах Искандера «Былое и думы», которые применительно к императору сложно назвать «мемуарами». Это не столько мемуары, сколько памфлет. Публицист подчеркивал «оловянный взгляд», «зимние глаза» и упрямство Николая I, и то, что «его упорность доходила до безумия беременных женщин, когда они хотят чего-нибудь животом»**. Собственно видел императора А. И. Герцен всего два раза в молодости в Москве: один раз на коронации и позднее на одном из балов. Но позже их заочное знакомство посредством III Отделения и герценовских публицистических произведений длилось более двух десятилетий, а в 1848 году Николай I приказал «немедленно возвратить Герцена в Россию». Однако на требование российского правительства Александр Иванович ответил отказом и продолжал воевать с самодержавно-крепостнической реальностью на родине «оружием» слова.

Но все это сочеталось с надеждами на реформы «сверху». Ведь при всем отрицательном отношении конкретно к личности и государственной деятельности Николая I, А. И. Герцен все же полагал, что в России ведущие, передовые позиции всегда занимала власть, а не народ. С его точки зрения, правительство является не только «прогрессивным началом», но нигде не стоит «настолько перед народом, как в России». Дворянство — оппозиционная сила, сдерживающая произвол верховной власти, а народ пассивен, поскольку «не умеет понять своих прав»***. Таким образом, жестко критикуя Николая Павловича, А. И. Герцен активную роль в историческом процессе все же отдавал монархическому правительству и дворянству. Поэтому не удивительно, что в своем знаменитом письме, обращаясь к Александру II и уповая на позитивный потенциал государственной власти, он называл императора «наследником 14 декабря» и призывал осознать, как много общего (не в путях, а в целях) между планами

* Анненков П. В. Две зимы в провинции и деревне. С января 1849 по август 1851 года. Из воспоминаний // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 529–548.

** Герцен А. И. Былое и думы. Ч. 1–3 // Герцен А. И. Сочинения. Т. 4. М., 1956. С. 142.

*** Герцен А. И. Отдельные замечания о русском законодательстве. 1836 г. // Герцен А. И. Собр. соч. и писем. В 30 т. Т. 1. М., 1954. С. 320–323.

идеологов декабризма и правительственные преобразовательными устремлениями 1860-х годов*.

Дополнением к публицистическим произведениям А. И. Герцена являются его письма, особенно периода Крымской войны (из Лондона), проникнутые настроениями пораженчества, обусловленными его видением путей выхода России из кризисной ситуации. По поводу кончины одиозного для него Николая Павловича в письме к Луиджи Пьянчани в марте 1855 года А. И. Герцен писал: «Смерть Николая имеет для нас величайшее значение; сын может быть хуже отца, но все же должен быть иным, при нем не может продолжаться тот непрерывный, неумолимый гнет, какой был при его отце. Война для нас нежелательна — ибо война пробуждает националистическое чувство. Позорный мир — вот что поможет нашему делу в России»**.

Другие же публицисты-эмигранты в поисках преобразовательных путей стремились воздействовать на Николая I. В своей книге «Россия и русские», опубликованной в 1847 году одновременно в Париже, Берлине, Брюсселе, Гааге, Н. И. Тургенев, вероятно, надеясь на ее августейшего читателя, прежде всего, попытался оправдать свое невозвращение на родину. Кроме этого, он стремился продемонстрировать Николаю I неадекватность официальной версии деятельности «Тайного общества», эволюционировавшего от Союза спасения до Северного и Южного союзов, представить императору реальную картину государственного и социально-экономического устройства, сложившуюся в его царствование, и предложить программу необходимых России преобразований. При этом декабрист подчеркивал, что именно закрытость правительственный реформаторских мероприятий и поисков, связанная с отсутствием свободы печати, приводит к искаженному представлению о носителе верховной власти***.

В 1854 году в Лондоне книгу «Правда об императоре Николае I» (без указания авторства) издал «участвующий в революционных происшествиях», как характеризовало его III Отделение, Н. И. Сазонов. Любопытно, что сам император по его и по поводу А. И. Герцена как-то в ноябре 1849 года сказал М. А. Корфу: «Теперь за границею

* Там же. Т. XIII. М., 1959. С. 69.

** Герцен А. И. — Л. Пьянчени, 4 (16) марта 1855 г. // Там же. Т. 25. М., 1961. С. 248.

*** Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001. С. 439.

завелись опять два мошенника, которые пишут и интригуют против нас: какой-то Сазонов и известный Герцен...»*.

В 1860 году в Париже на французском языке была опубликована книга «Правда о России» долгие годы находившегося на родине в опале и эмигрировавшего во Францию князя П. В. Долгорукова. В 1861 году в расширенном варианте он выпустил ее на русском языке. В 1862–1867 годах последовал цикл его политических памфлетов, объединенных затем в «Петербургские очерки»**. Не уделяя особого внимания лично императору, автор немало строк посвятил разоблачению придворной камарильи и критике самодержавных основ государственного строя России. Вот что писал он в одном из своих памфлетов: «Последние семь лет царствования Николая режим, тяготевший над Россией, был ужасен. Надо было испытать на себе его гнет, чтоб вполне его оценить. Печать была в оковах, свобода слова — под постоянным ударом, право путешествий нарушалось, шпионство прокрадывалось повсюду, политическая полиция царила над всей Россией...»***, а вот как вспоминал князь П. В. Долгоруков о чувствах, охвативших его 19 февраля 1855 года, в день смерти Николая I: «Мы находились в Петербурге в тот счастливый для России день, когда Николай Павлович (одними прозванный “Незабвенный”, а другими “Неудобозабываемый”) отправился к предкам своим. Мы помним всеобщую радость, подобно электрическому току охватившую всех честных благомыслящих людей, мы помним ликование всеобщее. Всякий чувствовал, что бремя тяжелое, неудобоносимое свалилось у него с плеч, и дышал свободнее. Со смертью Николая оканчивалась целая эпоха деспотизма»****.

Следует сказать, что смерть Николая I вообще вызвала целый спектр оценок его как человека и государя. Прежде всего, кончина

* Цит. по: Муравцева Э. В. III Отделение и А. И. Герцен (1847–1850 гг.) // Николаевская Россия: власть и общество: материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения И. В. Порохова. Саратов, 26–27 апреля 2002 г. Саратов, 2004. С. 284.

** Dolgoroucou P. V. *La verite sur la Russie*. Paris, 1860; Долгоруков П. В. Правда о России, рассказанная кн. П. В. Долгоруковым. Ч. 1–2. Париж, 1861; Долгоруков П. В. Петербургские очерки: Памфлеты эмигранта 1862–1867 гг. М., 1992.

*** Цит. по: Бахрушин С. В. «Республиканец»-князь П. В. Долгоруков // Долгоруков П. В. Петербургские очерки: Памфлеты эмигранта 1862–1867 гг. С. 14.

**** Долгоруков П. В. Правда о России, рассказанная кн. П. В. Долгоруковым. Ч. 1. С. 94.

монарха послужила поводом для инвектив в адрес российского самодержца со стороны демократически настроенной части столичного общества. На страницах рукописного журнала «Слухи», составлявшемся в 1855 году молодым Н. А. Добролюбовым, говорилось о «разврате» николаевского двора и императора Николая I*. Но одна из наиболее ярко окрашенных негативных оценок Николая Павловича и его царствования дана в дневнике *Веры Сергеевны Аксаковой*, дочери писателя С. Т. Аксакова и сестры известных славянофилов Константина и Ивана Сергеевичей Аксаковых. Как отмечали князь Н. В. Голицын и П. Е. Щеголев, опубликовавшие этот дневник, «сожаление Веры Сергеевны Аксаковой для памяти Николая Павловича многое горше, чем негодование Герцена»**.

Между тем западноевропейская революционная публицистика и поэзия всегда рисовала образ Николая как душителя демократии, «кровожадного медведя», стремившегося «запустить свои когти в Европу». Таким предстает Николай I в стихотворениях испанского поэта Хоце Эспронседы, а также итальянского поэта-революционера Габриэля Россетти. Посещение Николаем I Италии в 1845 году послужило толчком для создания им стихотворения «*Niccolò I di Russia in Italia*». Россетти писал: «Долг путь злодейств и убийств, которым шествует русский император! Пора бы, кажется, насытиться его беспокойным желаниям! Нет, алчность его так велика, что он продолжает грабить то Польшу, то страну черкесов. У него только одна цель — сделать своих медвежат более жирными и горе миру, если сыновья похожи на отца, если в них расцветает его властолюбивая душа!»***. Итальянский поэт радовался поражениям войск Николая I на Кавказе: «Плохо пришлось ему, когда он стал лицом к лицу с черкесским охотником! Черкесы спустили его с верхов снежного Кавказа в долины — порядком помяли шею медвежьим полкам Николая, вырвали у них из рук победу. Коршуны Кавказских гор утолили свой голод русскими трупами, и теперь там целыми грудами

* Добролюбов Н. А. Разврат Николая Павловича и его приближенных любимцев // Голос минувшего. 1922. № 1. С. 63–68.

** Цит. по: Дневник Веры Сергеевны Аксаковой / Ред. и примеч. кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. СПб., 1913. С. IV.

*** Петров Д. К. Россия и Николай I в стихотворениях Эспронседы и Россетти: Очерки по истории политической поэзии XIX в. // Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Ч. 94. СПб., 1909. С. 183.

белеют обнаженные кости»*. Традиции поэта-отца продолжил его сын, английский поэт итальянского происхождения Уильям Майкл Россетти, который среди прочих своих политических сонетов один назвал «Царь Николай» (1855). В нем Николай I — самодержавный деспот, «поработитель Польши и Кавказа», «бездушный колосс», «властью короля и сапогом солдата затаптывает в землю алеющие языки пламени свободы, едва они успевают появиться»**.

Русофobia, поднявшаяся новой волной в Англии в годы Крымской войны, естественно, в первую очередь имела своей мишенью Николая I. Это заставило даже либерала П. А. Вяземского встать на защиту российского императора. В 1855 году он написал стихотворение «Англичанке», в котором, обращаясь к некой, не поддавшейся общему поветрию переводчице русских стихов, высмеивал антирусские инвективы Генри Пальмерстона (в тот момент формально министра внутренних дел) на фоне антирусских настроений английского общества***.

В свою очередь, будущий канцлер Германии Отто Бисмарк, назначенный в январе 1859 года прусским посланником в Петербург (1859–1862), отметил положительную роль Николая I в борьбе с европейскими революциями, в частности, революцией в Венгрии, грозившей распаду Габсбургской монархии: «В истории европейских держав едва ли известен другой пример, когда неограниченный монарх одной державы окказал своему союзнику такую услугу, как император Николай — Австрийской монархии. Это было более того, что обычно делает один монарх для другого монарха; лишь такой самовластный, преувеличенно рыцарственный самодержец был способен на это... По природе он был идеалистом, хотя изолированность русского самодержавия и придавала ему черствость, и надо лишь удивляться, как при всех испытаниях, начиная с декабристов, он сумел пронести через всю жизнь свойственный ему идеалистический порыв»****.

И все же, в постниколаевское время негативное отношение к покойному императору, отразившееся прежде всего в устной традиции, а также в зарубежной (русской и иностранной) публицистике станов-

* Там же. С. 185.

** Цит. по: Аринштейн Л. М. Русская тема в «демократических сонетах» Уильяма Россетти // Россия и Запад: Из истории литературных отношений. Л., 1973. С. 88.

*** Вяземский П. А. Англичанке // Вяземский П. А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 310–311.

**** Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М., 1940. С. 158–159.

вится преобладающим. Бывший защитник Севастополя, молодой артиллерийский офицер Лев Николаевич Толстой много позже, в 1886 году, запишет рассказ старого солдата с воспоминаниями о телесных наказаниях в его молодости при Александре I и Николае I (упомянув их вместе): «У нас солдаты Николая Палкиным прозвали, Николай Павлыч, а они говорят Николай Палкин. Так и пошло ему прозвище»*. Незавершенный очерк Л. В. Толстого не имел названия, но за рубежом он был опубликован под названием «Николай Палкин» (в Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого это название взято в квадратные скобки). На самом деле Николай I ограничил максимально возможное число шпицрутенов, апогей которых пришелся на годы аракчеевщины во второй половине царствования Александра I. Поэтому не случайно бывший служивый вспоминал в первую очередь Александра I и свое молодечество. Многие годы Л. Н. Толстой возвращался к этому очерку, и сохранились различные его варианты. Впервые опубликованный в 1891 году в Женеве, затем он неоднократно воспроизводился, как в зарубежных, так и российских нелегальных изданиях. Впервые легально в России он был опубликован в 1917 году после Февральской революции. В рассказе «После бала» (1903) и в повести «Хаджи Мурат», напечатанной посмертно, писатель возвращался к образу Николая Павловича. Впрочем, по некоторым свидетельствам, Л. Н. Толстой «считал главу о Николае I неоконченной и даже хотел вовсе ее уничтожить, опасаясь, что внес в описание нелюбимого им монарха слишком много субъективности в ущерб спокойному беспристрастию»**.

Первым историческим трудом профессионального историка о царствовании Николая I стало «Историческое обозрение царствования государя императора Николая I» (1847) Н. Г. Устрялова, вышедшее несколькими изданиями еще при жизни императора, а пятым изданием в 1855 году***. Несколько годами позже были изданы очерки царствования Николая I «русского Дюма» — писателя, драматурга, литературного и театрального критика, в николаевское царствование служившего в Дирекции императорских

* Толстой Л. Н. [Николай Палкин] // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1936. Т. 26. С. 555.

** Цит. по: Кони А. Ф. Лев Николаевич Толстой // Кони А. Ф. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1958.

*** Устрялов Н. Г. Историческое обозрение царствования государя императора Николая I. 5-е изд. [СПб., 1855]

театров, Министерстве финансов, Главном управлении путей сообщения — Рафаила Михайловича Зотова*.

В 1848 году началась работа по созданию знаменитого сочинения *Модеста Андреевича Корфа* «Восшествие на престол императора Николая I-го» (1857). Необычные обстоятельства вступления на престол Николая I, династический кризис и события 14 декабря 1825 года, которые имели неоднозначную трактовку в общественном мнении России и Европы, требовали формирования официальной версии. В январе 1848 года великий князь Александр Николаевич, надо думать, под влиянием самого императора, инициировал эту работу и поручил официальному историографу, директору Императорской Публичной библиотеки барону М. А. Корфу сбор материалов и написание труда, посвященного восшествию на престол Николая I. Основной корпус материалов, в который входили мемуарные и документальные свидетельства главных «деятелей событий», был вскоре сформирован. Несмотря на охлаждение императорской семьи к работе историографа, обусловленное революцией 1848 года во Франции, создание труда продолжалось. Причем особое внимание уделялось событиям 14 декабря 1825 года и хотя все авторы записок о сложных перипетиях этого трагического дня действовали на стороне Николая Павловича, их воспоминания цензурорались и направлялись императором. Это было связано с тем, что именно в это время происходило завершение формирования официальной версии не только самого происшествия, но и поведения Николая, первых особ государства и тех, кто позже вошел в ближайшее окружение императора. Подчищались неудобные детали, уточнялась хронология, ликвидировались противоречия. Все подробности того, кто куда скакал и кто кому что говорил, были отредактированы, слажены и пропущены через высочайшую цензуру. Вместе с тем Николай I решительно отвергал явную несуразицу. Так, когда гр. А. Ф. Орлов несколько раз менял свои показания по поводу действий Конной гвардии, то Николай I, смеясь, сказал: «Орлов уже столько раз рассказывал эту историю, что, наконец, и сам больше не знает, что осталось в его рассказах правды, а что он в разные времена придумал для их прикрасы»**.

* Зотов Р. М. Исторические очерки царствования Николая I. СПб., 1859.

** Корф М. А. Историческая записка о происхождении и издании книги «Восшествие на престол императора Николая I-го» // ОР РНБ. Ф. 380 (М. А. Корф). Оп. 1. Д. 51. Л. 34.

К концу 1848 года работа над книгой под названием «Историческое описание 14 декабря 1825 года и предшедших ему событий» завершилась, и по повелению Николая I она была напечатана «в глубокой тайне» в количестве 25 экземпляров только для членов царской семьи и ближайшего окружения императора. Между тем М. А. Корф, осознавая значение книги в условиях усиления негативного отношения к российскому императору в период революционной «горячки» 1848–1849 годов в Европе, обратился к великому князю Александру Николаевичу и получил его санкцию на продолжение сбора новых сведений от других очевидцев событий. К началу 1850 годов М. А. Корф уведомил цесаревича о подготовке новой редакции своей книги, которая в 1853 году была пополнена новыми материалами, также цензурируемыми Николаем I. Поэтому лишь в феврале 1854 года второе секретное издание теперь уже под названием «Четырнадцатое декабря 1825 года» вышло в свет, но опять только в количестве 25 экземпляров.

Взойдя на престол Александр II, осознавая необходимость формирования исторической памяти о царствовании Николая I, 28 октября 1856 года возложил на М. А. Корфа создание фундаментального обобщающего труда. Для этой цели была создана особая Комиссия под руководством М. А. Корфа, предусматривалось особое финансирование для сбора «материалов как официального, так и неофициального характера, которые со временем могли бы служить источником для составления по возможности полной и правдивой истории жизни и царствования блаженной памяти государя императора Николая I»*. Приказом от 15 декабря 1856 года в Комиссию был включен внештатный сотрудник отдела «России» Публичной библиотеки (с 1855 г.), будущий известный критик В. В. Стасов. М. А. Корфом были также привлечены к работе будущий академик А. Ф. Бычков, К. Ф. Феттерлейн, а также — младший сын писателя М. Н. Загоскина — Сергей Михайлович Загоскин**.

Одним из первых актов взошедшего на престол Александра II было издание «в общее сведение» книги М. А. Корфа о междуцарствии и 14 декабря 1825 года, которая теперь имела название «Восшествие на престол императора Николая I-го». Появление 5 августа 1857 года этого первого, не секретного, а публичного издания сочинения придворного историографа в книжных лавках, на общественных

* Докладная записка Александру III о собирании материалов для биографии Николая I. 1881 г. // РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 137. Л. 1.

** Голубева О. Д. М. А. Корф. СПб., 1995. С. 105.

гуляньях и даже железнодорожных вокзалах Петербурга вызвало небывалый ажиотаж публики. Опубликованная «по Высочайшему повелению», для современников, как вспоминал сам М. А. Корф, она стала «актом государственного откровения и знаком новой эпохи в истории России». Книга стала главным событием в общественной жизни того времени. Это было вызвано прежде всего тем, что впервые были приоткрыты самые трагические и сокровенные страницы истории российского самодержавия, впервые героями исторического труда являлись члены ныне царствующего императорского дома, но главное — для российского и зарубежного читателя уже сама тема сочинения, до этого являвшаяся «тайной за семью печатями», представляла огромный интерес. Ведь к моменту ее появления в свет не только деятельность тайных политических обществ alexандровской поры, «роковые» для власти события 14 декабря, но и сложнейшие обстоятельства междуцарствия представляли собой «белое пятно» российской истории.

Что же касается работы М. А. Корфа по созданию фундаментального труда по истории царствования Николая I, то она затянулась и не была реализована. Причем собранные материалы, а также некоторые из работ, подготовленных членами Комиссии, не скоро увидели свет. Только в начале 1890-х годов. Императорское Русское историческое общество стало публиковать отдельные документы. В 74 и 90 томах сборников РИО были изданы материалы Комитета 6 декабря 1826 года, в 113 томе — обработанные священником М. Я. Морошкиным источники по истории православной церкви, а в 131 и 132 томах — переписка императора Николая I с цесаревичем Константином Павловичем (на французском языке). Часть материалов, собранных Комиссией, отложилась в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки, но основной массив вместе с рукописями Библиотеки Зимнего дворца ныне хранится в ГАРФ.

Кроме этого, в юбилейный 1896 год, когда отмечалось столетие со дня рождения Николая I, в сборнике Русского исторического общества были опубликованы материалы о первых 20 годах жизни Николая Павловича, подготовленные М. А. Корфом (при участии В. В. Стасова)*. В другой публикации, посвященной участию Николая I в совещательных учреждениях — Государственном совете

* Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования: Рождение и первые двадцать лет жизни 1796–1817 // Сборник РИО. Т. 98. СПб., 1896. С. 1–100.

и Комитетах*, было немало реалий, знакомых М. А. Корфу как бывшему статс-секретарю. Эти материалы особенно важны для историков, занимающихся крестьянским вопросом.

Французский писатель, хранитель библиотеки Арсенала в Париже Поль Лакруа, публиковавшийся под псевдонимом «Библиофил Жакоб», 20 сентября 1859 года, воспользовавшись проездом через Париж вдовствующей императрицы Александры Федоровны, обратился к ней с предложением написать биографию Николая I. Писатель уже был известен в Европе своими историческими и историко-биографическими очерками, хотя, строго говоря, не являлся историком-профессионалом, тяготея к литературному изложению фактического материала. Российскому Императорскому дому привлечение известного французского писателя представлялось заманчивым, как с точки зрения русской пропаганды во Франции после Крымской войны, так и реабилитации негативно воспринимавшегося за рубежом покойного императора. Интересно, что граф П. Д. Киселев (поддержавший предложение П. Лакруа) еще в 1835 году, во время беседы с Николаем I и канцлером К. В. Нессельроде, говорил о необходимости создания какого-либо иностранного произведения, чтобы «повлиять на иностранную печать, составляющую ныне силу, с которой надо бороться»**.

История создания труда***, прерванного на восьмом томе, дает основание утверждать, что сочинение Поля Лакруа являлось работой, созданной по заказу российского Императорского дома и выпущенной в полном объеме в Париже с 1864 по 1875 год на французском языке. Граф П. Д. Киселев составил программу издания****, а материалы, собранные к тому времени Комиссией под руководством М. А. Корфа, впервые были использованы для создания именно данной книги.

На русский язык неизвестным переводчиком в журнале «Военный сборник» за 1867 год был переведен только первый том, позже, в 1869 году, вышедший отдельным изданием. В 1877–1878 годах сочинение П. Лакруа вышло в переводе А. Смирнова. Сам Лакруа,

* Корф М. А. Император Николай I в совещательных собраниях // Там же. С. 101–283.

** По: Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1908. С. 97.

*** Андерсен В. Histoire de la vie et du regne de Nicolas I-er empereur de Russie / Par Paul Lacrua (Bibliophile Jacob) [Рец.] // Русский библиофил. 1912. № 4. С. 66–72. Есть и отд. оттиск.

**** Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время: В 4 т. Т. 3. СПб., 1882. С. 126; Андерсен В. Histoire de la vie... С. 67–68.

честно отрабатывая гонорар, в предисловии к журнальному варианту писал, что «полная и окончательная история царствования императора Николая, одного из великих царствований в бытописаниях Российской империи может быть написана позже... Я решился написать на французском языке, в доступной для всех читателей форме, историю царствования императора Николая с тою преимущественно целью, чтобы сделать известными его характер и его душевые качества, распространить в Европе уважение и удивление, питаемые мною к памяти великого государя»*.

Труд П. Лакруа по неизвестным причинам не был завершен (писатель умер в 1884 г.). В последнем, восьмом томе парижского издания изложение было доведено лишь до 1841 года. Русская критика, как отмечал рецензент труда — В. Андерсен, «невзирая на боевое направление шестидесятых годов, встретила “Библиофила Жакоба” холодным молчанием»**.

На протяжении 1870–1880-х годов специальных работ о Николае I в русской печати не появлялось. Исключение составила лишь небольшая книга М. П. Романова, в которой, между прочим, автор попытался развеять мифы, укоренившиеся со времен маркиза А. де Кюстина о большом числе жертв во время восстановления Зимнего дворца***. Следует сказать, что мнение М. П. Романова подтверждается архивными источниками****. Популярный характер имел общий небольшой очерк К. Н. Яроша, изданный в 1890 году*****.

Некоторые сведения о Николае I читающая публика могла извлечь из книг, посвященных супруге императора — Александре Федоровне. На рубеже 1866–1867 годов появился биографический очерк С. П. Яковлева (созданный как компиляция на основе книги бывшего преподавателя великого князя Константина Николаевича — А. Т. Гrimма, изданной в двух томах на немецком

* <Лакруа П.> Черты из жизни и царствования императора Николая I // Военный сборник. 1867. Т. 52, № 10. С. 330–331.: От редакции: *Лакруа П.* Черты из жизни и царствования императора Николая I. СПб., 1869; *Лакруа П.* История жизни и царствования императора всероссийского Николая I. Пер. А. Смирнова. М., 1877–1878. Т. I. Вып. 1–2.

** *Андерсен В.* *Histoire la vie...* С. 72.

*** *Романов М. П.* Царствование императора Николая I. СПб., 1883. С. 102.

**** РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д.202: О пожаловании... пенсиона и пособия... 1839–1840 гг. Л. 38–46.

***** *Ярош К. Н.* Император Николай Павлович: Биографический очерк. Харьков, 1890.

языке в Берлине 1866 г.) под названием «Русская императрица Александра Федоровна»*. Впрочем, работа была дополнена воспоминаниями другого учителя Константина Николаевича — адмирала Ф. П. Литке. Изобилующая фактами личной жизни императорской четы, книга воссоздавала образ Николая Павловича в семейном кругу.

Фактический материал содержали и биографические труды о сподвижниках Николая I, среди которых выделяется фундаментальная книга о графе П. Д. Киселеве. Это работа одного из его сослуживцев Андрея Парфеновича Заблоцкого-Десятовского, основанная на архиве П. Д. Киселева. На Андрея Парфеновича была возложена задача подготовки жизнеописания П. Д. Киселева. В аспекте же выявления политического мировоззрения Николая I очень важным представляется воспроизведение во втором томе труда, посвященном деятельности П. Д. Киселева на посту министра государственных имуществ, конфиденциальных разговоров императора с доверенным лицом по поводу необходимости отмены крепостного права в России. Следует особо подчеркнуть, что по цензурным соображениям некоторые места из книги А. П. Заблоцкого-Десятовского не вошли в публикацию и остались в рукописном варианте**.

Проблема крепостного права в царствование Николая I получила освещение и в монографии известного исследователя истории крестьянского вопроса в России Василия Ивановича Семевского, впервые подробно рассказавшего о деятельности секретных комитетов в царствование Николая I и вкладе П. Д. Киселева в решение проблем государственной деревни. При этом историк подробно останавливается и на взглядах Николая I на проблему отмены крепостного права***.

Не менее значительной фигурой николаевского царствования, приближенной к Николаю Павловичу, был «отец-командир» И. Ф. Паскевич. Поэтому многотомное издание князя А. И. Щербатова, посвященное жизнеописанию фельдмаршала (издававшееся также и на французском языке), занимает свое законное место в библиографии эпохи Николая I, особенно благодаря публикации различ-

* Яковлев С. П. Императрица Александра Федоровна: Биографический очерк. М., 1866 (обложка 1867).

** Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время: В 4 т. Т. 2. СПб., 1882. С. 210; РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 125. Л. 18.

*** Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: В 2 т. Т. II. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая. СПб., 1888.

ных документов и переписки. Начатое в 1888 г., оно было закончено седьмым томом, изданном в 1904 году*.

Некоторые черты личности Николая Павловича нашли отражение в свидетельствах мемуаристов, посвященных его поездкам по России с посещением различных регионов и городов**. Но в целом в 1870–1880 года правительственные представление и общественное мнение о покойном императоре излагалось в основном в публицистическом ключе, с одной стороны, как официозная апологетика, а с другой — как демократическая филиппика.

В это же время существовали и другие подходы к оценке личности и государственной деятельности Николая I и его исторической роли, высказывавшиеся, прежде всего, видными публицистами-философами. Так, *Николай Яковлевич Данилевский* в работе «Россия и Европа» (1871) отмечал своеобразное рыцарство Николая I во внешней политике. По его мнению, император бескорыстно помог Турции в 1833 году и Австрии в 1849 году, не воспользовавшись бедой соседей в честолюбивых видах***. Другой философ-публицист, К. К. Леонтьев, в статье «Плоды национальных движений на православном Востоке», опубликованной в «Гражданине» в 1888–1889 годах, попытался продолжить эту мысль. Не одно «рыцарство» руководило императором, полагал автор, когда он оказал помочь султану против мятежного египетского вассала: «...рыцарство это, свойственное ему лично как натуре сильной, благородной и весьма идеальной, не было ли формой, в которой (с лично именно оттенком) выражались его великие государственные инстинкты?»****. И далее К. К. Леонтьев пояснял: «Прямота и твердость царя-охранителя, царя-легитимиста достаточны сами по себе для объяснения всего этого события. Он имел право воевать с султаном; он имел право разделить Турцию с кем хотел. Но он не желал позволить, чтобы вассалы

* О значении этого труда см.: Русский архив. 1899. Кн. 1. С. 407.

** Ильченко Д. В. Император Николай Павлович в уездном городе Чембаре с 25 августа по 8 сентября 1836 г. // Русская старина. 1882. Т. 36. № 12. С. 523–534; Берже Ад. Император Николай на Кавказе в 1837 г. // Там же. 1884. Т. 43. № 8. С. 377–398; Трефолев Л. Н. Император Николай Павлович в Ярославле в 1834 году // Русский архив. 1897. Кн. 1. С. 202–212 и др.

*** Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 38.

**** Леонтьев К. К. Плоды национальных движений на православном Востоке // Леонтьев К. К. Цветущая смелость: Избранные статьи. М., 1992. С. 240–241.

и подданные, хотя бы и православные, восставали против законной власти даже и того, кого он называл “больным человеком”»*. При этом, как подчеркивал автор, не только революционные идеи, но и либеральные принципы воспринимались императором обостренно враждебно: «Государственный инстинкт Николая точно предвидел все ядовитые плоды эмансипационного прогресса! Малейшее проявление либерализма ему основательно претило. Неудивительно, впрочем, что эгалитарный либерализм у себя, внутри государства, представлялся ему той же революцией, откуда бы она ни пришла: сверху или снизу; в какой бы одежде ни явилась: во фраке ли французском или в аксаковском кафтане... Николай Павлович, не доживши до конца XIX века, когда “реакция” начинает мало-помалу приобретать себе теоретические оправдания и основы, чувствовал, однако, политическим инстинктом своим, что даже сама Россия наша при нем именно достигла той культурно-государственной вершины, после которой оканчивается живое государственное созидание и на которой надо приостановиться по возможности, и надолго, не опасаясь даже и некоторого застоя и этим гениальным инстинктом охранения объясняются все его главные политические действия и сочувствия...»**

Для характеристики Николая I, как государственного деятеля, принципиально важными являются работы, посвященные его деятельности в области внешней политики, написанные бывшим дипломатом, впоследствии историком Сергеем Спиридовичем Татищевым. Его капитальным монографиям, начиная с первой — «Внешняя политика императора Николая Павловича» (СПб., 1887), предшествовали публикации по этим же сюжетам в виде журнальных статей. «Воздать должное памяти Незабвенного — такое назначение предлагаемой книги», — писал С. С. Татищев во второй монографии «Император Николай I и иностранные дворы», вышедшей в 1889 году***. Общий вывод автора заключается в том, что история не подтвердит нареканий на Николая I «слуг нерадивых и недостойных», «она засвидетельствует, что император Николай не был сообщником своей дипломатии: он сам был обманут ею»****. К сожалению, автор признается:

* Там же. С. 242.

** Там же. С. 243.

*** Татищев С. С. Император Николай I и иностранные дворы: Исторические очерки. СПб., 1889. С. XXV.

**** Там же. С. XXIV.

«Государственные архивы поныне остаются для меня недоступными, и мне приходится довольствоваться документами, случайно попадающими мне в руки»*.

Новый этап в изучении жизни и деятельности Николая I начался на волне подготовки к столетию со дня его рождения, отмечавшемуся в 1896 году. В этот год, как уже отмечалось, были изданы ранее написанные работы М. А. Корфа, а также вышла масса новых статей, очерков, речей. Среди них интересны иллюстрированные очерки Е. П. Карновича** и статья под инициалами Н. Д., принадлежащая военному историку Н. Ф. Дубровину***.

Более серьезный характер носили исследования, также вышедшие в юбилейный период и посвященные деятельности Николая Павловича в определенной сфере государственной жизни, итогам развития в его царствование отдельных отраслей экономики, а также — армии и военно-морскому флоту, Академии Генерального штаба. Это, хотя и выдержанная в верноподданническом духе, но фундаментальная работа М. С. Лалаева, содержащая большой биографический очерк с рассказом о Николае Павловиче как великом князе, а также характеристику военного образования и управления в его царствование****. В менее объемном сочинении Н. Коргуева в сжатой форме давалась характеристика состояния военно-морского флота, деятельности Николая I по преобразованию Морского министерства, его отношения к флоту и морякам*****. Среди обобщающих работ статистического характера по итогам экономического развития России в николаевское царствование большое значение имеет публикация

* Там же. С. XXV.

** Карнович Е. Н. Император Николай Первый: Его царствование и черты характера в рассказах, анекдотах и отзывах современников. СПб., 1897; Корсаков А. Детство и отрочество Николая Павловича // Русский архив. 1896. № 6. С. 278–290.

*** <Дубровин Н. Ф.> Несколько слов в память императора Николая I-го // Русская старина. 1896. № 6. С. 449–470; № 7. С. 511–520. — В конце текста Н. Д.

**** Лалаев М. С. Император Николай I, зиждитель русской школы: Исторический очерк. СПб., 1896. Рец.: И. В. 1896. Т. 65, С. 214. См. также: Савельев А. Исторический очерк инженерного управления при Николае I. СПб., 1897; Глинокецкий Н. Исторический очерк Николаевской Академии Генерального штаба. СПб., 1882.

***** Коргуев Н. Русский флот в царствование императора Николая I // Морской сборник. 1896. Т. 274. № 7. Неофиц. отд. С. 1–42; № 8. С. 1–47 и отд. отт.

С. Гулишамбарова*. В 1897 году появляется статья о Николае I в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрана**. Очерк же о Николае I, подготовленный для «Русского биографического словаря», увидел свет только в 1998 году в дополнительных томах***.

Юбилейная волна 1896 года, несомненно, способствовала созданию фундаментальных трудов Н. К. Шильдера, посвященных жизни и царствованию российских императоров конца XVIII — первой половины XIX века С. Н. Валк, посвятивший ему обширную биографическую статью, отмечал, что Шильдер начинал как военный историк, подобно М. И. Богдановичу и Н. Ф. Дубровину. Но затем, так же как и они, переключился на внутреннюю политику и создал серию фундаментальных трудов — об Александре I (4 тома в 1897–1898 гг.), Павле I (1901 г.) и Николае I****, роскошно изданных А. С. Сувориным. Над биографией Николая Павловича он работал в последние годы своей жизни, начиная с 1899 года (2 тома вышли посмертно в конце 1903 г.)*****.

Н. К. Шильдер, используя высказывание Екатерины II о только что родившемся внуке Николае, отличавшемся богатырским сложением, как о «рыцаре», писал: «Этот рыцарь Николай сделался 14-го декабря 1825 года императором Николаем и оправдал своею жизнью и царствованием предсказание Екатерины: действитель но Николай Павлович жил и умер рыцарем^{6*}». В обстоятельном отзыве о первом томе сочинения Н. К. Шильдера П. Е. Щеголев, положительно оценивая труд покойного автора, задавался вопросом: в какой мере был прав историк, подчеркивая, что события

* Гулишамбаров С. Итоги торговли и промышленности в царствование Николая I. СПб., 1896.

** Николай I // Энциклопедический словарь изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрана. Т. XXI. Полутом 41. СПб., 1897. С. 119–124.

*** Николай I // Русский биографический словарь. Неопубликованные материалы. Николай I — Новиков. М., 1998.

**** Валк С. Н. Шильдер Николай Карлович // Энциклопедический словарь Русского библиологического института Гранат. 7-е изд. Т. 49. М., б. г. С. 598.

***** Шильдер Н. К. Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. В 2 т. СПб, 1903. Т. I — 785 с.; т. II — 820 с. Переиздано: В 2 кн. М., 1997. Кн. 1 — 748 с.; Кн. 2 — 637 с. См. также: Николай Первый и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков / Сост., вступ. статья и публикация Б. Н. Тарасов: В 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 196–224.

^{6*} Шильдер Н. К. Император Николай Первый: В 2 кн. Кн. 1. М., 1997. С. 6.

14 декабря 1825 года отдалили столь необходимые России реформы? По его мнению, Н. К. Шильдер только в определенной мере был прав, приписывая событиям 14 декабря решающее значение в выборе консервативного курса во внутренней и внешней политике николаевского царствования. Сам же П. Е. Щеголев полагал, что необходимо отделять «влияние декабрьских событий на политическую программу императора и на его душевный склад»*. С его точки зрения, сущность политики нового императора была ясна и до 14 декабря 1825 года. Как отмечал П. Е. Щеголев, Н. К. Шильдер «закончил вчерне свое огромное исследование в пяти томах и приступил уже к окончательной обработке и отчасти переработке своего труда под влиянием обильно проливавшегося нового материала, особенно из архива князя А. И. Чернышева; но не довел до конца своей работы: он успел привести в порядок, и то не совсем совершенный, лишь две части труда, обнимающего время от рождения императора Николая I до подавления польского мятежа в 1831 году».

В связи с незавершенностью труда, считал П. Е. Щеголев, образ Николая I не получил должной политической и психологической законченности**.

Незавершенное исследование Н. К. Шильдера в двух томах было издано под наблюдением редактора «Исторического вестника» С. Н. Шубинского, который произвел и подбор иллюстраций. Как всегда, труд Н. К. Шильдера включал большое количество документов в приложениях, а в дополнении — две статьи историка (о Николае I в 1848–1849 гг. и об отношении императора к освобождению христиан Востока), впервые опубликованные соответственно в «Историческом вестнике» в 1899 году и «Русской старине» в 1892 году.*** Обширный архив после смерти историка поступил в Императорскую Публичную библиотеку, директором которой он был в последние годы жизни.

И все же современники ставили труд Н. К. Шильдера на порядок ниже начинавших вскоре выходить критических, основанных на архивных документах, работ немецкого биографа Николая I —

* Щеголев П. Е. Император Николай I (1796–1825). [Рецензия] // Исторический вестник. 1903. Т. 93. № 7. С. 125.

** Там же. С. 94.

*** Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Кн. 2. М., 1997. С. 488–509; 509–514.

Теодора Шимана*. Так, один из рецензентов Н. К. Шильдера — В. И. Штейн — отмечал в 1909 году, что труды историка, наполненные безупречно выверенными датами и фактами, все же являются немного дилетантскими. Рецензент писал: «Во всяком случае, начинания Шильдера чрезвычайно ценные; он трудолюбиво перекопал всю почву, и каждый последующий на ней сеятель помянет историка-генерала добром»**. Позднее, в 1917 году, М. А. Полиевктов писал о покойном историке: «Научная манера Шильдера хорошо известна: механическое сочетание отдельных кусков из разных источников, часто почти дословное воспроизведение подлинника, не всегда с достаточною согласованностью противоречивых данных, вместо продуманных взглядов — общие словесные отговорки, которые сам автор, кажется, забывал раньше, чем успел произнести. Все эти отрицательные стороны манеры Шильдера в его “Николае I” приступают во всей неприкрытой наготе гораздо сильнее, чем в его более ранних работах, посвященных Павлу и Александру I. Но Шильдер — неутомимый собиратель, и в примечаниях к тексту читатель нередко найдет интересные сопоставления, которые вскрывают перед ним более интересную и содержательную картину, чем та, которую он находит в тексте книги»***. Добавим, что Н. К. Шильдер не всегда мог быть достаточно откровенным в своих официального характера трудах. Об этом свидетельствуют его черновые заметки**** и критические по отношению к Николаю Павловичу замечания на полях

* Действительно, принятый на прусскую службу, Т. Шиман работал в архивах Санкт-Петербурга, Берлина, Вены. См.: Schiemann Theodor. <Шиман Т.> Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I. Bd. I–IV. Berlin, 1904–1919: Band I. Kaiser Alexander I und die Ergebnisse seiner Lebensarbeit. Berlin, 1904.– X, 637 s.; Band II. Von Tode Alexander I bis sur Iuli-Revolution. Berlin, 1908.– XIV, 521 s.; Band III. Kaiser Nicolaus im Kampfe mit Polen und im Gegensatz zu Frankreich und England, 1830–1840. Berlin, 1913.– X, 516 s.; Band IV. Kaiser Nicolaus von Hoherpunkt seiner macht bis zum Zusammenbruch im Krimkriige 1840–1855. Berlin und Leipzig, 1919.– XII, 435 s.

** Штейн В. И. Иностранны о России: Первое пятилетие царствования императора Николая Павловича // Исторический вестник. 1909. Т. 118. № 12. С. 1102.

*** Полиевктов М. А. Николай I: Историческая литература по эпохе Николая I за 1900–1916 гг. // Русский исторический журнал. 1917. Кн. . С. 243.

**** Шильдер Н. К характеристике Николая I // ОР РНБ. Ф. 859 (Н. К. Шильдер). Карт. 4. № 11. Л. 9, 14, 34.

известной книги М. А. Корфа о восшествии на престол Николая I, ставшие достоянием гласности в 1925 году*.

Десятилетие (1903–1913 гг.), последовавшее за изданием книги Н. К. Шильдера, интересно не специальными работами о Николае Павловиче (их почти нет), а локальными исследованиями различных аспектов внутренней и внешней политики Николая I, более обстоятельными в связи с накоплением материала и ослаблением цензурных ограничений после революции 1905 года. Под влиянием концепций либерального и марксистского осмысления исторического процесса появляются также общие курсы русской истории, авторы которых пытаются дать свою оценку роли Николая I и его наследия.

В это время одной из активно разрабатываемых тем стало декабристское движение, на фоне которого образ Николая I в изображении либеральной историографии померк. После трудов В. И. Семевского, Н. П. Павлова-Сильванского, М. В. Довнар-Запольского следует особо выделить работы П. Е. Щеголева. Бывший студент факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, уволенный в 1899 г. за участие в студенческих волнениях, он стал журналистом-историком, одним из редакторов журнала «Былое» (1906–1907 гг., вновь в 1917–1926 гг.). Начиная с 1906 году, в различных периодических изданиях он публикует серию статей об отношении Николая I к декабристам. Эти статьи позже были собраны в очерки. Под пером П. Е. Щеголева император предстает жестоким и лицемерным правителем, которому автор отказывает даже в минимальном человеческом сочувствии. Позднее П. Е. Щеголев полемизировал с великим князем Николаем Михайловичем, опубликовавшим в 1915 году работу о казни декабристов. В ней августейший историк попытался показать тяжелое психологическое состояние Николая Павловича при принятии решения о казни. С точки зрения Николая Михайловича, оно было обусловлено долгом монарха и давлением вдовствующей императрицы Марии Федоровны**. По мнению же П. Е. Щеголева, «никакой душевной борьбы, никакой борьбы великодушия с суральным долгом, в Николае I в отношении казни декабристов не было»***.

* Заметки Н. К. Шильдера о восстании 14 декабря 1835 г. и императоре Николае I / Сообщ. Е. В. Сказин // Каторга и ссылка. 1925. Кн. 2 (15). С. 148–153.

** Николай Михайлович, вел. кн. Казнь пяти декабристов 13 июля 1826 г. и император Николай I // Исторический вестник. 1916. Т. 145. № 7. С. 98–109.

*** Щеголев П. Е. Николай I и декабристы: Очерки. Пг., 1919. С. 36–44.

Переизданные после революции 1917 года очерки историка оказали сильное влияние на советское декабристоведение*.

В предоктябрьское время единственной работой, в которой получила развитие тема междуцарствия, 14 декабря и воцарения Николая I, была работа Г. Василича, вышедшая несколькими изданиями с 1907 по 1910 год**. Однако обращение князя Н. В. Голицына к архивным источникам позволило более конкретно представить действия Николая Павловича во время междуцарствия, его взаимоотношения с возможными союзниками и будущими сподвижниками, в частности М. М. Сперанским***. Это — одна из немногих работ, вышедшая уже в период между Февральской и Октябрьской революциями и тем не менее отличающаяся академизмом в изложении в противовес политической конъюнктуре. Революция 1905 года, боснийский кризис 1908 года и, наконец, Первая мировая война привлекли внимание историков прежде всего к вопросам внешней политики в царствование Николая I, преимущественно к изучению различных аспектов борьбы царизма с европейскими революциями, а также — взаимоотношений с различными европейскими странами, в частности, с Англией****.

Здесь особо следует выделить двухтомную монографию А. М. Зайончковского, посвященную Восточной войне 1853–1856 годов. В первом томе книги, вышедшем в 1908 году, десять глав содержат подробный биографический очерк о Николае I*****. В нем также дается характеристика отношений Николая Павловича с Александром I и Константином Павловичем, отмечаются их взаимная неискренность, влияние событий 14 декабря на характер императора и выработку программы царствования. Из положительных черт автор выделяет

* Библиография работ П. Е. Щеголева / Сост. Ю. Емельянов // История и историки: Историографический ежегодник, 1977. М., 1980. С. 432–452.

** Василич Г. Восшествие на престол императора Николая I. 4-е изд. М., 1910.

*** Голицын Н. В. Сперанский в Верховном уголовном суде над декабристами // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 1/2. С. 61–102.

**** Мартенс Ф. 1) Император Николай и королева Виктория // Вестник Европы. 1896. Т. VI, № 11. С. 74–130; 2) Россия и Англия в царствование императора Николая I // Там же. 1898. № 3. С. 5–43; 3) Россия и Англия накануне разрыва (1853–1854 гг.) // Вестник Европы. 1898. № 4. С. 563–610.

***** Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. В 2 т. Т. 1. СПб., 1908. С. 1–200.

верность Николая I один раз принятым принципам, его откровенность и прямоту в общении с доверенными лицами и все же попытка А. М. Зайончковского охарактеризовать императора как государственного деятеля и человека во всей противоречивости его характера и мироощущения — оказалась делом сложным для автора.

Склонный к более суровой оценке Николая Павловича М. А. Полиевктов в историографическом обзоре, созданном после Февральской революции, писал: «Книга Зайончковского по своему содержанию гораздо шире своего заглавия, но нельзя назвать ее и общим очерком царствования Николая I. Он берет отдельные моменты, то, склоняясь более в сторону характеристики, то, сплетая это с фактическим изложением, подводя все к своей основной теме войны 1853–1856 годов, вводя для этого много данных о состоянии военных сил России. Собственная точка зрения автора на личность Николая I, на его политическую систему, на всю эпоху как-то затеривается в словесных ухищрениях, столь обычных всегда, когда надо и помнить, кого прежде всего имеет в виду книга, и перед широкой публикой в грязь не ударить. Но все это отступает на задний план перед массой тех свежих данных, какими насыщена книга Зайончковского, перед его несомненным умением дать яркие сопоставления, очертить широкий горизонт. Это, безусловно, необходимое дополнение к Шильдеру и Schimany для изучения всей эпохи Николая»*.

Под влиянием революции 1905 года вышли обобщающие исследования А. А. Кизеветтера, посвященные внутренней политике Николая I, его отношению к конституционной форме правления, переизданные в 1912 году**. Пятидесятилетний юбилей отмены крепостного права стал новым поводом и для изучения крестьянского вопроса в царствование Николая I. Однако автор юбилейного издания — П. В. Алексеев, в отличие от А. П. Заблоцкого-Десятова и В. И. Семевского, вновь увидел в лице императора крепостника, убежденного защитника крепостного права***. Впрочем, в том же 1911 году Е. В. Тарле выступил с интересным докладом на одном из заседаний русской секции

* Полиевктов М. А. Николай I: Историческая литература по эпохе Николая I за 1900–1916 гг. С. 244.

** Кизеветтер А. А. 1) Император Николай I как конституционный монарх // Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 1912. С. 402–418; 2) Внутренняя политика Николая Павловича // Там же. С. 419–502.

*** Алексеев П. В. Секретные комитеты при Николае I // Великая реформа (19 февраля 1861–1911): Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. II. М., 1911. С. 194–208.

Исторического общества при Петербургском университете на тему: «Император Николай I и дворянство по неизданным документам Парижского архива Министерства иностранных дел и донесениям Казимира Перье де Андре и Рейневаля за 1842–1847 гг.». Этот доклад появился в изложении в «Историческом обозрении» и газете «Речь», а в полном виде был опубликован в виде статьи уже в 1918 году*. Анализируя донесения французских дипломатов, Е. В. Тарле показал всю серьезность постановки Николаем I крестьянского вопроса в начале 1840-х гг. и ожесточенное сопротивление дворянского общества аболиционистским намерениям императора.

В работах 1906–1916 года, надо думать, под влиянием изменений в российском законодательстве, освещалась кодификационная работа правительства Николая I. Этой теме посвящены работы П. М. Майкова, Н. Корево, Б. Н. Сыромятникова, г. Тельберга и др. Многообразные аспекты государственной деятельности Николая I нашли отражение в юбилейной и другой литературе, посвященной истории императорского двора, отдельных министерств и ведомств, армии и флоту, инженерному делу. Среди этих изданий выделяется одна из книг многотомного, сложного по своей структуре издания (в разных книгах и частях), посвященного столетию военного министерства. Речь идет о книге «История Государевой свиты: Царствование Николая I», составленной, как тогда писали, группой военных историков и изданной в 1908 году**. Это издание еще в большей степени, чем книгу А. М. Зайончковского, посвященную формально Крымской войне, следует отнести к общим биографическим очеркам о Николае I. В труде были помещены значительного объема главы о детстве и юности, государственной службе великого князя Николая Павловича, 14 декабря 1825 года, священном короновании. Особо рассматривалось участие Николая I в войнах и путешествиях. В приложении были опубликованы документы, относящиеся к периоду обучения, вступлению на престол и др. В связи с подготовкой этого издания, один из авторов — В. В. Квадри — в 1902 году работал с документами

* Тарле Е. В. Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов. 1842–1847 гг. // Тарле Е. В. Соч. в 12 т. Т. IV. М., 1958. С. 567–587.

** Столетие военного министерства. 1802–1902. СПб., 1908. [Т. 4. Кн. 3.] История Государевой свиты. Царствование Николая I / Сост.: генерал-майор В. В. Квадри и капитан В. Н. Шенк; помощники: штабс-капитан г. С. Габаев, Н. Н. Мерлин, М. К. Соколовский. СПб., 1908. Различные сведения опубликованы и в других томах этого издания.

Собственной Его Императорского Величества библиотеки. Другой член авторского коллектива там же изучал историю главного инженерного управления*. Изданный фолиант следует признать наиболее иллюстрированным по сравнению со всеми книгами, посвященными Николаю I и его царствованию. Именно здесь помещено наибольшее число репродукций с изобразительных источников (иконография Николая Павловича).

Представляют интерес и работы о дворцовом строительстве при Николае I, его отношении к искусству, прежде всего живописи. Так, в статье историков искусства, идеологов объединения «Мир искусства» Александра Николаевича Бенуа и Евгения Евгеньевича Лансере «Дворцовое строительство при Николае I» подчеркивалось: «Раздвоение характера Николая Павловича, как человека и как императора, отразилось и на возводимых им сооружениях: во всех постройках, предназначенных для себя и для своей семьи, видны желания интимности, уюта, удобства и простоты... В официальных же зданиях отразились, конечно, сухость, суровость и холодность...»** Совсем иную позицию в оценке Николая I занял теоретик искусства, издатель журнала «Старые годы» Николай Николаевич Врангель (братья Петра Николаевича). Его отношение к Николаю I было окрашено нигилизмом 50-х годов XIX века герценовского типа в отношении императора. В вышедшей двумя изданиями работе «Искусство и государь Николай Павлович» им был опубликован список картин из Эрмитажа, распроданных во время войны с аукциона 1854 года с целью экономии средств. По мнению автора, этот список свидетельствует о невзыскательности художественных вкусов императора, лично принимавшего участие в «экспертизе». Вместе с тем, отдавая справедливость, Н. Н. Врангель все же отмечал, что хотя и не в таких грандиозных размерах, но подобные аукционы были в ходу других монархических домов Европы. Он также писал о Николае I как о человеке «много сделавшем для возвышения искусства»***.

Не только к факту истории археографии, но отчасти и к историографии можно отнести выход в свет и тематической подборки

* Щеглов В. В. Обзор Собственной Его Императорского Величества библиотеки. С. 159.

** Бенуа А. Н., Лансере Е. Е. Дворцовое строительство при Николае I // Старые годы. 1913. Июль-сентябрь. С. 178.

*** Врангель Н. Н. Искусство и государь Николай Павлович // Старые годы. 1913. Июль-сентябрь. С. 53–72; отд. изд.: Пг., 1915.

документов в хрестоматии под редакцией М. О. Гершензона «Эпоха Николая I», вышедшей двумя изданиями в 1910 и 1911 годах. Даже публикацией определенных типов источников редакция выражала свое отношение к самодержцу. В предисловии, полемизируя с оценкой А. И. Герцена николаевского царствования как «удивительного времени наружного рабства и внутреннего освобождения», составители отмечали, что «для полноты характеристики надо прибавить, что и это “порабощение” оказалось в значительной степени призрачным и “освобождение” болезненным». Более того, М. О. Гершензон был вынужден признать: «Николай не был тем тупым и бездушным despotом, каким его обыкновенно изображают. Отличительной чертой его характера, от природы вовсе не дурного, была непоколебимая верность раз усвоенным принципам, крайнее доктринерство, мешавшее ему видеть вещи в их измененном виде»*. Таким образом, в работах либеральных историков стали признаваться положительные качества Николая I как человека и государя, а в трудах историков-монархистов — его определенные недостатки.

Весьма характерен в этом плане подход известного либерального историка, одно время состоявшего в ЦК партии кадетов Александра Александровича Корнилова**, нашедший наиболее яркое выражение в его общем курсе истории России XIX века: «Подводя итоги этому замечательному тридцатилетию, мы должны признать, что правительственные системы императора Николая была одной из самых последовательных попыток осуществления идеи просвещенного абсолютизма. Император Николай по своим взглядам не походил на Людовика XIV и никогда не сказал бы, как тот: "L'état c'est moi!"; напротив, он неоднократно высказывал, что считает себя первым слугой государства; но воле этого первого слуги должны были беспротивно подчиняться все остальные. По своим намерениям Николай гораздо ближе подходит к таким представителям идеи просвещенного абсолютизма, как Иосиф II и Фридрих Великий... и если бы Карамзин пережил царствование Николая, он должен был бы признать, что опыт осуществления его системы сделан, и вместе должен был бы убедиться, к чему эта система неизбежно приводит, притом именно

* От редакции // Эпоха Николая I /Под ред. М. О. Гершензона. М., 1911. С. 3.

** Подробнее о нем см.: Левандовский А. А. Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной историографии: А. А. Корнилов. М., 1982.

к чему она приводит в такой обширной, малонаселенной и быстро развивающейся стране, как Россия»*.

Впрочем, о «просвещенном абсолютизме» Николая I вскоре забыли. К этому времени появилось первое издание «Русской истории с древнейших времен» Михаила Николаевича Покровского (1-е изд. в 1910–1913 гг.). Он же был автором статьи о внешней политике Николая I в коллективном труде «История России в XIX веке». Через несколько лет в обзоре литературы по николаевскому царствованию М. А. Полиевктов писал: «Оба эти издания весьма ярко отражают в себе ту новую концепцию русской истории, которая теоретически складывается на почве марксизма, а в своих конкретных формах является ответом на запросы, взволновавшие русское общество в эпоху освободительного движения**». Сочинение М. Н. Покровского, по словам М. А. Полиевкторва, «является, насколько нам известно, первой попыткой, в широком масштабе, применения и проведения в русской истории принципов экономического материализма» (так в подлиннике. — *Cост.*), но, отмечал рецензент, эпоха «растворяется в определенной стадии экономического и социального развития»***. Действительно, в главе XIV «Крестьянская реформа» «Русской истории...» есть подраздел «Социальная политика Николая I». О самом императоре, склонный к афористичной и лаконичной форме изложения мысли первый историк-марксист писал: «Наклонности демагога и полицейские обязанности должны были нейтрализовать друг друга и привести к топтанию на одном месте, которое носит название “попытка крестьянской реформы при Николае I”. Но мыслительный аппарат Николая Павловича был не так устроен, чтобы видеть на большое расстояние вперед, и в субъективных его намерениях “вести процесс против рабства”, как он однажды красиво выразился в одном частном разговоре, не может быть сомнения»****. Позднее, в 1920 году, М. Н. Покровский в известном социологическом бестселлере «Русская история в самом сжатом очерке» в разделе, посвященном николаевской эпохе, назвал авторов мемуаров,

* Корнилов А. А. Курс истории России XIX века: В 3 ч. Ч. II. М., 1912. С. 112–113.

** Полиевктов М. А. Николай I: Историческая литература по эпохе Николая I. С. 242.

*** Там же.

**** Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен // Покровский М. Н. Избранные сочинения: В 4 кн. Кн. 2. М., 1965. С. 276.

не замечающих с его точки зрения лицемерия Николая I, особенно в личной жизни, «его холопами»*.

Трехсотлетний юбилей династии Романовых, пышно отпразднованный в 1913 году, способствовал появлению целого ряда популярных очерков, в которых авторы в силу своих способностей, знаний, литературного мастерства и объема текста старались изобразить Николая I по возможности привлекательнее. Это были как масштабная работа Б. Б. Глинского, посвященная воспитанию и обучению царских детей**, так и близкие по объему к брошюрам популярные издания А. Е. Зарина (под псевдонимом А. Ефимов), В. Н. Сумцова и других авторов. Среди них выделялся очерк М. М. Бородкина, историка, известного своими капитальными трудами по истории Великого Княжества Финляндского. Само название очерка «Венчанный рыцарь» обозначало позицию автора. Предполагалось, что он войдет в очередной том по истории Финляндии, опубликованный годом позже, но первая глава его «Венчанный рыцарь — повелитель империи» была написана в новой редакции и издана отдельно***. Последний труд М. М. Бородкина содержал сведения о политике Николая I в финляндском вопросе. Еще одна статья без указания авторства, включенная в издававшуюся И. Д. Сытиным «Военную энциклопедию», раскрывала военно-административную сторону жизни Николая Павловича****.

В эти же годы ряд известных историков подготовили интересные очерки для научно-популярных сборников по истории династии Романовых — «Россия под скипетром Романовых», «Государи из рода Романовых», «Три века». В сборнике «Государи из рода Романовых» опубликован очерк С. М. Середонина*****, а в издании «Три века» программный характер носила статья известного историка Ю. В. Готье, отличавшаяся психологическим анализом. «Личность императора

* Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке // Там же. Кн. 3. М., 1967. С. 120–135 (часть главы «Крепостническое государство»).

** Глинский Б. Б. Царские дети и их наставники: Исторические очерки для юношества. СПб., 1912. Репринтное воспроизведение: Курск, 1991.

*** Бородкин М. М. 1) Венчанный рыцарь и его тернистый путь. Харьков, 1914; 2) История Финляндии: Время императора Николая I. Пг., 1915. С. 1–51.

**** Николай I Павлович, император Всероссийский // Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко и др. Т. 16. СПб., 1914. С. 630–638.

***** Середонин С. М. Император Николай Павлович // Государи из рода Романовых. 1613–1913. Т. II. М., 1913. С. 260–267.

Николая I, как государя и как человека, едва ли возможно очертить в настоящее время с исчерпывающей полнотой и ясностью, хотя прошло уже более полувека со дня его кончины», — замечает историк*. И далее продолжает: «Еще при жизни личность его вызывала среди современников два совершенно противоположных отношения... Представители передовых и независимых кругов русского общества, нередко на себе испытавшие тягость реакционной политики николаевского времени, склонны были усматривать в личности самого государя источник реакции и гнета»**. При этом в статье характеризуются как положительные качества (корректность, ум, понимание многих зол и бедствий, от которых страдала Россия), так и отрицательные черты (вспыльчивость, строптивость, склонность к «военщине», любовь к себялюбию) Николая Павловича. Интересен и оригинален заключительный вывод: «Мы не имеем пока ключа к разгадке отмеченного двойственного облика Николая I, но невольно думается, не была ли подобная двойственность общим органическим свойством двух наиболее одаренных сыновей императора Павла, последовательно занимавших русский престол в первой половине XIX века»***.

В последнем, шестом томе сборника «Три века» были опубликованы статьи о политических процессах николаевской эпохи (В. Я. Ульянов), крестьянском вопросе (Д. А. Жаринова), внешней политике императора Николая I (Л. И. Гальберштадт), законодательстве (Б. И. Сыромятникова) и др. Среди них выделяется статья К. В. Сивкова, посвященная экономической политике Николая I и носящая критический характер по отношению к герою. Отмечая отрицательные черты его государственной деятельности, автор считает, что «никакой определенной экономической политики правительства императора Николая I не было»****. Общий вывод в виде тезиса предшествовал конкретному изложению материала: «Охрана старого порядка — вот что лежало в основе всей деятельности императора Николая I: он не чуждался реформ, но при непременном условии, чтобы основные устои русской жизни остались незыблемыми...»*****

* Голье Ю. В. Император Николай I (Опыт характеристики) // Три века: Россия от Смуты до нашего времени. Исторический сборник / Под ред. В. В. Каллаша. Т. V. М., 1912. С. 308.

** Там же. С. 309.

*** Там же. С. 317.

**** Сивков К. В. Экономическая и финансовая политика императора Николая I // Там же. Т. VI. Вторая половина XIX века. М., 1913. С. 36.

***** Там же.

Следует подчеркнуть, что если статья Ю. В. Готье стоит ближе к дореволюционной традиции, то работа К. В. Сивкова — к послереволюционной. В то же время их обеих можно считать итоговыми для русской историографии николаевского царствования накануне 1917 года.

В период издания юбилейных сборников, посвященных династии Романовых, казалось, ничто еще не предвещало ее стремительного краха буквально через несколько лет. Но пессимистический вывод Ю. В. Готье о том, что «беспристрастие и хладнокровное отношение, необходимое для оценки деятельности и личности Николая Павловича, не наступили и до сих пор»*, неожиданно подтвердился сразу же после Февральской революции. Хотя сопоставление А. Н. Бенуа в революционном разломе 1917 года Николая I с Павлом I и Николаем II в определенной мере и опровергало этот вывод: «Ему (Павлу I. — *Cост.*) не хватало той самой выдержки воли, которой было так много у мудрой и хитроумной и ненавистной ему матери и которую унаследовал от нее сын Павла — строгий Николай, с неукоснительной выдержкой отбывавший свою царскую повинность и за эту честную и жертвенную службу России навлекший на себя презрение нескольких поколений»**.

Полемику, начатую современниками, продолжали публицисты философы и историки послереволюционной поры. Публицистическое направление в историографии подчас становилось главным в историческом осмыслении николаевского наследия в судьбах России. Причем первое послереволюционное десятилетие отмечено преобладанием в историографии тенденциозно-публицистических изданий, разоблачающих «ужасы самодержавия». Направление в историографии, которое условно можно назвать «академическим», было представлено лишь историками старой, дореволюционной школы, теми, кому историк-марксист М. Н. Покровский предлагал копаться в архивной пыли. Издания академического плана после 1917 года сравнительно редки. Они посвящены в основном обзору архивных фондов или носят источниковедческий характер.

Последним серьезным словом дореволюционной историографии в изучении жизни и царствования Николая I стала работа, вышедшая уже после Октября 1917 года, упоминавшегося уже либерального историка М. А. Полиевктова, с 1917 года профессора Петроградского,

* Готье Ю. В. Император Николай I. С. 309.

** Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Кн. 1. М., 1993. С. 258.

с 920 г. — Тифлисского университета*. В статье-некрологе 1921 года, посвященной немецкому биографу Николая I Теодору Шиману, Е. В. Тарле так оценил значение книги М. А. Полиевктова: «...Общих научных трудов о царствовании Николая I до сих пор нет... Из новых авторов Шильдер только начал свой труд, а другие историки даже не занимались этой общею проблемою. Небольшая содержательная книжка М. А. Полиевктова может только лишний раз напомнить специалистам о всем том, что пока не сделано в данной области; ничего большего от нее требовать нельзя»**. Книга вышла в Москве в издательстве братьев И. и С. Сабашниковых в 1918 году, хотя набрана была еще до Февральской революции. «Послесловие» датировано автором 31 октября 1917 года, когда в Москве еще продолжалась вооруженная борьба за власть.

Автор достаточно скептически относится к Николаю I, но старается выдержать и известного рода объективность, последовательно характеризуя его внутреннюю и внешнюю политику на фоне истории России первой половины XIX века. В работе представлены также списки источников и литературы, отчасти проанализированные в предшествующей статье автора***. В заключение книги о «тюремщике русской свободы», как называет своего героя М. А. Полиевктов, звучит язвительное пророчество: «Теперь арсеналы сломлены, и стариное оружие перенесено в музей. Мы можем спокойно изучать его, не боясь, что оно кого-нибудь поранит. Будем только остерегаться, чтобы нам не преподнесли его под видом какого-нибудь, якобы самоновейшего (так в тексте. — Сост.) государственного механизма. Ведь и николаевское правительство верило в силу “декретов”, ведь и оно оставляло за собою монополию понимать народные нужды, позволяя дышать только тем, кто “стоял целиком на платформе самодержавия”... Труп не оживет, но история знает своих политических и социальных оборотней»****.

После Октября 1917 года на смену подчеркнутому академизму начала столетия пришло агитационно-пропагандистское направление изображения ужасов самодержавия. Наибольшей популярностью

* Сулаберидзе Ю. С. М. А. Полиевктов и его личный фонд в Центральном государственном историческом архиве Грузии // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. Сборник статей к 75-летию А. Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 69–75.

** Тарле Е. В. Теодор Шиман. С. 190.

*** Полиевктов М. А. Николай I: Историческая литература по эпохе Николая I.

**** Полиевктов М. А. Николай I: Биография и обзор царствования. М., 1918. С. 380.

пользуются темы: «Николай I и декабристы» (к столетнему юбилею восстания 14 декабря 1825 г.) «Пушкин и Николай I», «Николай I и европейские революции», в которых Николай Павлович выступает не как личность и исторический деятель, а как олицетворение самодержавия.

В отношении Николая I, вероятно, первой из таких работ стала брошюра (всего 16 страниц) Е. Тарасова «Николаевщина», вышедшая в издательстве «Освобожденная Россия» под грифом «Временный комитет Государственной думы». Автор отмечал такие черты царствования Николая I, как деспотизм и формализм, а характера самого императора — мелочность и его якобы ненависть в отношении талантливых людей. Общий вывод автора звучал весьма красноречиво и цветисто: «Когда вся Европа перестраивалась и все государства шли вперед во всех отношениях, в это время над Русью царил страшный, мертвенный покой, и покой этот установил Николай I. Как Кошеч Бессмертный, который в сказке заморозил царство, тяготел он над Русью 30 лет; Россия 30 лет спала и не просыпалась, а Европа в это время ушла от нас на полвека вперед»*.

Из историков старшего поколения к изучению некоторых аспектов социально-экономического характера и социальных движений в 1920-е годы обратился профессор Казанского университета Н. Н. Фирсов. В 1924 году в журнале «Былое» он опубликовал свою статью «Призрак социализма перед Николаем I», переизданную в более полном варианте в 1926 году. Отмечая то внимание, которое уделял император социально-экономическим проблемам, положению крестьянства и рабочих в России, традиционно отмечая «напуганность» императора европейскими революциями, автор делал вывод: «Николай I был не только бравый военный и бдительный жандарм... он стал как бы и главным директором всего торгово-промышленного дела в государстве»**.

В эти же годы образ Николая Павловича разрабатывался и в художественном плане, но только чаще всего в связи с декабристской тематикой, следовательно, резко отрицательно. Среди работ данного типа выделяются роман Д. С. Мережковского, посвященный истокам

* Тарасов Е. Николаевщина (Время Николая I). Пг., 1917. С. 13.

** Фирсов Н. Н. Призрак социализма перед Николаем I (Характеристика момента) // Фирсов Н. Н. Исторические характеристики и эскизы. Т. 3. Вып. 1. Казань, 1926. С. 55.

движения декабристов*, пьеса Николая Лернера (1923) и первые наброски создававшегося на протяжении нескольких десятилетий масштабного произведения М. Д. Марич (Чернышевой) «Северное сияние». Его основа была написана в 1926–1931 годах и доработана в 1961 году (по этому сценарию был снят известный художественный фильм, героизирующий декабристов**).

Публицистический характер носили написанные доходчивым для массового читателя языком очерки С. Б. Любуша (1924) и Г. И. Чулкова (1928), посвященные последним Романовым. В этих произведениях Николай I, наряду с другими своими «коллегами» по трону, еще оставался (хотя бы в критическом плане) основным персонажем произведений. Характерны подзаголовки разделов очерка С. Б. Любуша о Николае Павловиче: «Победитель», «Самодержавная трусость», «Испуганное пугало», «Провал системы». Публицист, стремясь демифицировать легенду об императоре Николае I как «бесстрашном рыцаре абсолютизма», отчасти продолжая линию Ю. В. Готье, С. М. Середонина, Е. В. Тарле, которые также отмечали неуверенность и колебания Николая I при решении ряда вопросов, заостряет эту черту характера императора, но доводя ее до предела. С. Б. Любуш все сводит к одному преобладающему чувству — чувству страха: «И за этим внешним обликом силы, могущества, себедавлеющего (?) и в себе уверенного, за этою грозною фигурой, наводившей страх и трепет, проглядели основное свойство психики Николая, главный двигатель всей его биографии и всей им творимой истории. Не заметили, что за видимостью этой грозной силы скрывалась неизлечимая трусость»***. Правда, далее автор все же уточняет: «Трусость Николая I не была физиологической трусостью», он «трепетал перед страшным для него и непонятным ему “духом времени”»****. В целом же в представлении автора Николай I — «палач для России и жандарм для Европы»: «Придавив слабое восстание декабристов солдатским сапогом, он набросил петлю палача на шею России и тридцать лет душил ее, душил до тех пор, пока не

* Мережковский Д. С. 14 декабря: Роман // Мережковский Д. С. Собр. соч. В 4 т. Т. 4. М., 1990. С. 5–258.

** Марич Д. Северное сияние. М., 1985.

*** Любуш С. Б. Последние Романовы: Александр I. Николай I. Александр II. Александр III. Николай II. Л.; М., 1924. С. 69. (Репринтное издание: М., 1990).

**** Там же. С. 70.

окоченела рука. Но одной России ему было мало. В 1830 году он придушил Польшу, в 1849 году — Венгрию»*.

Также в публицистическом ключе была написана претендующая на создание психологических портретов книга Г. И. Чулкова «Императоры», посвященная последним Романовым (начиная от Павла I). В разделе «Николай Первый» автор кратко характеризует интимную и семейную жизнь императора, отмечает его «пристрастие к личинам» и в то же время еще признает некоторое стремление к реформам в начале царствования. По его мнению, рубежным является разгром польского восстания 1830–1831 годов, «с этого времени начинается собственно “Николаевская эпоха”»**.

Последней отдельной работой 1920-х годов, посвященной непосредственно Николаю I, хотя и научно-популярного характера (как это было предусмотрено издательской серией), стала книга Александра Евгеньевича Преснякова. Само название работы «Николай I» с подзаголовком «Апогей самодержавия», опубликованной в 1925 году, свидетельствовало о смещении акцента с личности императора на его внутреннюю политику. Автор пишет о «военно-династической диктатуре», «казенном национализме» Николая I, вместе с тем показывая сложность и противоречивость его характера, роль остзейского окружения и отмечая определенную смелость императора в проведении финансовой реформы и попытках решения крестьянского вопроса. Историк следующим образом рисует психологический портрет императора: «Николай был в общем более уравновешен, чем его братья. Но и его натуре не были чужды те черты, то и дело выявляющиеся весьма резко, и он легко терял самообладание в раздражении, и тогда сыпал грубыми угрозами или произвольными карами, терялся в отчаянии от неудач, и тогда малодушно жаловался, даже плакал. Сильной, цельной натурой он отнюдь не был, хотя понятно, что его часто таким изображали. Его образ как императора казался цельным в своем мировоззрении и политическом поведении, потому что он — выдержаненный в определенном стиле тип самодержца. Но это — типичность не характера, а исторической роли, которая нелегко ему давалась»***.

Затем, в период примерно с 1929 по 1980-е годы, Николай I исчез как самостоятельный персонаж в исторических исследованиях.

* Там же. С. 83.

** Чулков Г. И. Императоры: Психологические очерки. М., 1991. С. 213.

*** Пресняков А. Е. Николай I: Апогей самодержавия // Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 296–297.

Остались «Николаевская», а затем «Пушкинская эпоха», захватывающая царствования Александра I и отчасти Николая I. Только декабристы и А. С. Пушкин давали повод обращаться к истории дворянства, а в связи с определенными сюжетами — к Николаю I. Характеристика внутренней и внешней политики николаевского правительства, после разгрома «школы Покровского», основывалась в конечном счете на «Замечаниях» И. В. Сталина, А. А. Жданова, С. М. Кирова на конспект учебника по истории СССР 1934 года. В «Замечаниях» говорилось, что «в конспекте не подчеркнута аннексионистско-колонизационная роль русского царизма, вкупе с русской буржуазией и помещиками (“царизм — тюрьма народов”), а также «консервативная роль русского царизма во внешней политике со времен Екатерины II до 50-х годов XIX столетия и дальше (“царизм как международный жандарм”)». И хотя далее критиковались «затасканные трафаретные определения», вроде «полицейский террор Николая I»*, именно эти установки определяли общую направленность оценок николаевского царствования.

Потребовался авторитет Евгения Викторовича Тарле, чтобы в первом томе таких изданий, как «Крымская война» и «История дипломатии», вышедших впервые в 1941 году, посвятить хотя бы несколько страниц воссозданию портрета Николая I как государственного деятеля. В этих работах Е. В. Тарле исходил из своего понимания образа императора, восходящего к его рецензии-некрологу 1921 года на смерть Теодора Шимана, несколько усиленному негативной характеристикой немецкого историка, русофobia которого, впрочем, была известна.

Е. В. Тарле анализировал сильные и слабые стороны Николая Павловича как дипломата, обусловленные, как он полагал, во многом его воспитанием. По мнению историка, Николаю I были присущи «некоторая способность к дипломатической деятельности, умение вести переговоры... вовремя понять ошибку и свернуть с опасного пути, умение (тоже потерянное в последние годы царствования) терпеливо ждать, не теряя из виду поставленной цели... наконец, стремление до последней возможности стараться достигнуть желаемого результата чисто дипломатическим путем, не прибегая к войне»**. Слабые же стороны императора — это «глубокая, поистине непроходимая, всесторонняя, если можно так выражаться, невежественность. Гнусная,

* Стalin И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта по истории СССР // К изучению истории. М., б. г. [1938]. С. 22.

** Тарле Е. В. Крымская война // Тарле Е. В. Соч. в 12 т. Т. 7. М., 1959. С. 65.

истинно варварская жестокость, с которой он расправлялся со всеми, в ком подозревал наличие сколько-нибудь самостоятельной мысли, палочная дисциплина в армии и вне армии, режим истинно жандармского удушения литературы и науки — вот чем характеризовался его режим. Ни русской истории, ни России вообще он не знал»*. Подобная интонация (хотя на самом деле Николай Павлович интересовался русской историей и много сделал для сохранения русских летописей, актовых материалов и других исторических документов** и памятников) была сохранена Е. В. Тарле во втором издании «Истории дипломатии» 1959 года (глава в соавторстве с А. В. Ефимовым***).

Однако в исторической литературе в это время преобладала другая тенденция. Тенденция умолчания, потому что в противном случае стройная концепция «Николая Палкина» могла если не рухнуть, то, по крайней мере, дать трещину. Характерно, что в капитальном двухтомном исследовании М. Н. Дружинина, посвященном реформе П. Д. Киселева, за которую историк получил звание академика, при рассмотрении крестьянского вопроса для освещения позиции и взглядов императора не нашлось места****. Практически отсутствует характеристика Николая I и в «Очерках истории СССР», написанных С. Б. Окунем, автором блестящих характеристик Павла I и Александра I*****; вероятно, по принципу «лучше никак, чем плохо или неверно».

Только косвенно, несколькими штрихами, намечена позиция Николая I в монографии М. К. Рожковой, посвященной вопросам экономической политики России на Среднем Востоке^{6*}. В работе, опубликованной к столетию революций 1848 года, другой известный историк А. С. Нифонтов на основе архивных источников, в том числе

* Там же. С. 65–79.

** Андреева Т. В. Археографическая экспедиция Академии наук. 1829–1834 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXI. Л., 1990. С. 107–118.

*** Ефимов А. В., Тарле Е. В. Гл. 7: От создания «Священного союза» до июльской революции (1815–1830 гг.) // История дипломатии. 2-е изд. Т. 1. М., 1959. С. 636–638 («Николай I как дипломат»).

**** Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева: В 2 т. Т. I. М.; Л., 1946; Т. II. М., 1958.

***** Окунь С. Б. Очерки истории СССР: Вторая четверть XIX века. Л., 1957.

^{6*} Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.; Л., 1949. С. 88, 117.

дневника великого князя Константина Николаевича, выделил три этапа политики николаевского правительства в связи с революционными потрясениями в Европе. Автор отказался от прямолинейной формулы охранительной политики Николая I, сводившейся к приписываемой ему фразе: «Седлайте коней, господа, во Франции провозглашена республика!»*, а Б. П. Козьмин в работе 1957 года в сборнике памяти Е. В. Тарле осветил отношение императора к возможности использовать в интересах России революционные движения (не разжигая их) в трудные годы Крымской войны**.

В художественной литературе декабристская тема долгое время способствовала доминированию негативного, непривлекательного образа самодержца на российском престоле. Но в середине 1960-х годов именно в литературе, чутко реагирующей на изменения общественно-политического климата, появились первые произведения, в которых Николай I был представлен уже более сложной и противоречивой фигурой, в чем-то даже заслуживающей и понимания. В повести Юрия Плашевского «Петербургский сон», опубликованной в 1966 году, воспроизводится гипотетический разговор Ф. М. Достоевского с Чоканом Валихановым, в котором речь шла и Николае Павловиче: «И ведь понимаешь, и шевелится нет-нет жалость даже к безумию и одиночеству его... а простить, — Достоевский затряс головой, — простить — нет. Невозможно***. Эти же тенденции характерны и для исторической прозы Булата Окуджавы — в повести «Бедный Авросимов» (1969) и романе «Путешествие дилетантов» (1976, 1978).

Тогда же, в 1960-х годах, стали появляться и исторические работы с более взвешенной оценкой политики николаевского правительства в различных сферах российской жизни, отразившие новые подходы исследователей. Так, А. И. Михайлowsкая в большой статье, посвященной первым промышленным выставкам в России****, а затем — Н. С. Киняпина в диссертации 1965 года и монографии

* Нифонтов А. С. Россия в 1848 году. М., 1949. С. 195.

** Козьмин Б. П. Николай I и Мадзини в 1854 г. // Из истории общественных движений и международных отношений: Сборник в память академика Евгения Викторовича Тарле. М., 1957. С. 437–444.

*** Там же.

**** Михайлowsкая А. И. Из истории промышленных выставок в России первой половины XIX в. (первые всероссийские промышленные выставки) // Очерки истории музеиного дела в России. М., 1961. С. 79–154.

1968 года о промышленной политике николаевского правительства* под влиянием новых архивных материалов не могли не признать что политика николаевского правительства, т. е. в первую очередь самого Николая I, хотя он зачастую оставался в тени исследовательского повествования, была более сложной и оправданной, чем это принято считать.

Различные аспекты государственной деятельности Николая I и функционирования правительственного аппарата затрагивались и в общих трудах конца 1950 – 1970-х годов, посвященных истории высших государственных учреждений второй четверти XIX века. Среди них следует выделить работы *Петра Андреевича Зайончковского*** и его ученика Н. П. Ерошкина***, которые внесли огромный вклад в изучение природы государственного механизма функционирования самодержавной власти в России. По мнению П. А. Зайончковского, в царствование Николая I происходил процесс «наибольшего самоутверждения российского абсолютизма в его военно-бюрократической форме» в условиях «кризиса всей феодально-крепостнической системы». Давая психологический портрет императора, историк подчеркивал его крайнюю самоуверенность, жестокость, честолюбие, «проблески великодушия», которые носили показной характер, а главное — неутомимую деятельность, особенно в военной и управлеченческой сферах. Но как «в военной области, самой ему знакомой и близкой», так и государственном управлении, по мнению историка, Николай Павлович был «наиболее беспомощен». Вместе с тем Петр Андреевич считал, что при полной убежденности в своей собственной непогрешимости, Николай I «хорошо представлял себе несовершенство бюрократического аппарата» и всего государственного управления в целом, и был вынужден работать «над искоренением его недостатков». При этом, хотя П. А. Зайончковский говорил о преобразовательной направлен-

* Киялина Н. С. 1) Промышленная политика русского самодержавия в годы кризиса феодальной системы (20–50-е годы XIX в.): Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1965; 2) Политика русского самодержавия в области промышленности (20–50-е годы XIX в.). М., 1968.

** Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

*** Ерошкин Н. П. 1) Государственные учреждения России в дореформенный период. М., 1957; 2) Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). М., 1981; 3) Российское самодержавие. М., 2006 (посмертное издание).

ности первого периода николаевского царствования, кодификации российских законов, раздумьях императора об отмене крепостного права до 1848 года, он подчеркивал, что «все реформаторские дела Николая I» были подчинены усилинию «существующей системы помещичье-полицейского государства, утвердив ее на законном фундаменте»*.

С точки зрения Н. П. Ерошкина, в правление Николая I произошло резкое усиление карательных функций государства, обусловленное неуверенностью «господствующего класса в незыблемости самодержавия и крепостного строя». «Монархия Николая I, — считал историк, — была аракчеевщиной без Аракчеева». Именно с этим связывал Н. П. Ерошкин реформу правительственного аппарата, подчиненную усовершенствованию самодержавно-крепостнической государственности. «Бюрократический централизм», создание шести самостоятельных и подчиненных только императору отделений СЕИВК, а, по сути, «установление своеобразной военно-политической диктатуры с крайней централизацией» управлеченческой деятельности, историк также связывал с «усилением кризиса крепостнического строя» в николаевское царствование**.

Тема «Николай I — литература», традиционно преломляемая прежде всего сквозь призму пушкиноведения, в какой-то мере нашла отражение в книге Г. А. Невелева, посвященной проблеме достоверности декабристского документального наследия в работе А. С. Пушкина над историей декабристов, а также — его отношению к движению тайных политических обществ. Общий лейтмотив книги Г. А. Невелева выражен в ее названии «Истина сильнее царя...»***. Эти слова А. С. Пушкина, написанные 26 января 1837 года (накануне дуэли) К. Ф. Толю, немного позже были исследованы в статье литературоведа В. А. Сайтанова «Прощание с царем». Признавая подлинность слов умирающего А. С. Пушкина, предназначенных для Николая I («Жаль, что умираю, весь его был бы»), автор попытался интерпретировать их по-своему. Считая, что поэт исходил из традиции Вольтера и признавал необходимость быть верноподданным государем, исследователь писал: «...в ней есть такой оттенок: вот я твой раб, умираю, и это право остается у меня всегда; ты

* Там же. С. 106–113.

** Ерошкин Н. П. Российское самодержавие. С. 163–168.

*** Невелев Г. А. «Истина сильнее царя...»: А. С. Пушкин в работе над историей декабристов. М., 1985.

царь не в силах помешать мне — истина сильнее царя (выделено в тексте. — Сост.)»*.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов к жизни и государственной деятельности Николая I, как самостоятельной теме, возобновляется интерес историков, литературоведов, искусствоведов. Так, Сергей Владимирович Мироненко в своих более ранних работах, посвященных крестьянскому вопросу, сюжеты которых нашли отражение в его обобщающей монографии 1990 года, в отличие от Н. М. Дружинина, уже освещает позицию Николая I на крепостное право и его политику в крестьянском вопросе**. Подчеркивая твердое намерение Николая I «довести дело до конца», исследователь отмечает, что, столкнувшись с сопротивлением членов Секретных комитетов, император «не считал возможным пойти на открытый конфликт с сановной аристократией»***. В то же время понимая, что такое положение не может сохраняться бесконечно, Николай Павлович стремился «по крайней мере, приготовить пути для постепенного перехода к другому порядку вещей»****. Принципиально важным для общей оценки николаевского царствования является положение С. В. Мироненко, восходящее к точке зрения С. Б. Окуня, что самодержавие, уже при Александре I, «отказавшись от реформ... перешло к реакции, которая началась не с разгрома восстания декабристов в 1825 году, как считают многие, а несколькими годами раньше»*****. Именно тогда, по мнению исследователя, вся полнота власти была передана в руки «всесильного временщика» А. А. Аракчеева, началось «насаждение обскурантизма и религиозного мракобесия», а «Россия стала играть роль жандарма Европы»⁶.

По-своему переломным стали 1993–1996 годы. Именно в эти годы после длительного перерыва появились новые биографические очерки о Николае I. В 1993 годы С. В. Мироненко написал фундаментальный очерк о Николае I для сборника «Российские самодержцы»⁷. В том же

* Сайтанов В. А. Прощание с царем//Временник Пушкинской комиссии. Вып.20. Л., 1986. С. 45.

** Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М.,1990. С. 110–195.

*** Там же. С. 185,187.

**** Там же. С. 188.

***** Там же. С. 72.

⁶* Там же.

⁷* Мироненко С. В. Николай I // Российские самодержцы. М., 1993. С. 91–158 (2-е изд. М., 1994.).

году в журнале «Вопросы истории» появилась статья Т. А. Капустиной (историографического плана), с четко просматриваемой тенденцией «реабилитации» Николая I*. Популярного характера книжечка известной крымской писательницы В. С. Фроловой «Николай I и флот» вышла в 1994 году в Севастополе. Автор в занимательной форме пересказывает содержание некоторых *резолюций Николая Павловича по Морскому ведомству*, опубликованных в свое время в «Морском сборнике»**, и в ряде случаев комментирует их, отдавая должное справедливости строгого императора***.

В обобщающем же плане вопрос о роли самодержавия Николая I в истории России был поставлен еще в 1989 году Н. Я. Эйдельманом в его эссе «“Революция сверху” в России» (журнал «Наука и жизнь», затем и отдельная публикация). В названии раздела «Тридцатилетняя контрреволюция» четко зафиксирована авторская позиция, казалось бы, целиком традиционная для предшествующих десятилетий. Но в оценке роли самого Николая I в этой «контрреволюции» позиция историка ближе к точке зрения С. В. Мироненко, объяснявшего его вынужденную консервативность переходным характером эпохи и объективными причинами, в частности, эгоистичным сопротивлением реформам со стороны консервативного большинства дворянства. Автор пишет: «Легкое объяснение того, что почти никаких реформ с 1825 по 1855 год не случилось, часто отыскивают в личности царя-реакционера Николая I — не захотел. Не станем обелять малосимпатичного монарха, и все же — “Николай враг, но истина дороже!”»****. По мнению Н. Я. Эйдельмана, хотя Николай I и был «категоричнее», «громче», самодержавнее покойного брата Александра «он также “не решился стукнуть кулаком по столу”, а не получились же у Николая реформы, прежде всего, из-за сильного и все возраста-

* Капустина Т.А. Николай I // Вопросы истории. 1993. № 11 / 12. С. 27–49.

** Собственноручные резолюции императора Николая I по Морскому ведомству / Сообщил С. Огородников // Морской сборник. 1907. № 12. С. 1–39. Подробнее см.: ОР РНБ. Ф. 380 (М. А. Корф. Д. 113: Сборник собственноручных резолюций Николая I по Морскому ведомству. Составлен в Архиве Морского министерства в 1869 году и тогда же представлен Его Императорскому Высочеству генерал-адмиралу. В сборнике 1957 резолюций.

*** Фролова В. С. Николай I и флот (Из «спецхрана» века минувшего). Севастополь, 1994.

**** Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 101.

ющегого эгоистического, звериного сопротивления аппарата, высшей бюрократии, дворянства»*. При этом, в полной противоположности с А. А. Корниловым, Н. Я. Эйдельман считает абсолютизм Николая I «непросвещенным». Сама «система», по его мнению, выдвигала наверх самых неспособных исполнителей: «Вот он, непросвещенный абсолютизм, впервые обозначившийся в краткие павловские годы и повторенный на новом витке через одно царствование»**. Развернутой характеристики самого Николая I у Н. Я. Эйдельмана нет, автор и неставил такой задачи.

В 1990 году в переиздании работ А. Е. Преснякова была опубликована в качестве приложения статья составителя сборника — А. Ф. Смирнова «Разгадка смерти императора», которая в почти том же виде, но под другим заглавием в 1991 году вышла в научно-популярном сборнике «Дорогами тысячелетий». Скоропостижная кончина императора Николая I и прежде была темой многих публикаций. Представляющий, казалось бы, частный интерес, вопрос об обстоятельствах кончины Николая Павловича в разные эпохи был предметом спекуляций и пропагандистским инструментом (покончил с собой, признав «крах» своего режима). Данную тему затронули в своих достаточно объективных исследованиях А. Ф. Шидловский (1896)*** и Н. С. Штакельберг (1923) и продолжили советские историки, в частности, Е. В. Тарле логично включивший рассказ о кончине императора в свое двухтомное исследование о Крымской войне (который приводится в настоящем издании). А. Ф. Смирнов же, отталкиваясь от статьи Н. С. Штакельберга «Загадка смерти Николая I» и цитируя из нее отрывки из многочисленных источников, дополнительно привлекает написанные в эмиграции мемуары польского офицера И. Ф. Савицкого, участника Польского восстания 1863 года. К сожалению, известный своими работами в области польского революционного движения и русско-польских революционных связей, А. Ф. Смирнов обошелся без источниковедческой критики источника. Тем не менее

* Там же. С. 102–103.

** Там же. С. 106.

*** Шидловский А. [Ф.] I. 1) Болезнь и кончина императора Николая Павловича // Русская старина. 1896. Т. 86. № 6. С. 615–631; 2) То же // Жизнь императоров и их фаворитов на материалах публикаций журналов "Русский архив" и "Русская старина" / Сост. А. М. Данилова. М., 1992; 2) Великий князь Михаил Павлович, 1798–1898: Биографический очерк // Нива. 1898. № 6.

именно из этих мемуаров автор черпает дополнительные данные, которые якобы окончательно подтверждают версию самоубийства императора. Само же самоубийство, по мнению И. Ф. Савицкого, поддержанному А. Ф. Смирновым, само по себе свидетельствует о крахе дела всей жизни Николая Павловича*.

С конца 1980-х годов публикуются работы, написанные историками искусства, в которых Николай I вольно или невольно предстал в качестве активного участника культурной жизни России, заказчика многих художественных произведений и комплексов и просто — человеком в дворцовом интерьере.

Различные аспекты жизни и быта императорской семьи в связи с переменой интерьеров жилой части Зимнего дворца и других императорских резиденций раскрываются в статьях Т. Л. Пашковой** и некоторых других исследователей. В этих работах нашли отражение личные художественные вкусы и пристрастия Николая I, формирование в северо-восточном ризалите Зимнего дворца зоны личных покоеv императорской семьи, реконструкция дворца после пожара в декабре 1837 года.

Живопись, коллекционирование оружия, театр и музыка, празднество и маскарады — эти аспекты в жизни императорской семьи освещены в исследованиях Б. И. Асварища. В них Николай Павлович предстал как человек и заказчик со своими симпатиями и предпочтениями. В частности, он высоко ценил своего официального портретиста, прусского художника Франца Крюгера, несколько раз побывавшего в Петербурге и выполнившего немало высочайших заказов. Организация выставки Франца Крюгера в Эрмитаже в 1997 году и издание иллюстрированного каталога, ведущим автором-составителем которого был Б. И. Асварищ, — характерный штрих не только культурной жизни города, но и изменившейся

* Смирнов А. Ф. Разгадка смерти императора // Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 435–462.

** Пашкова Т. Л. 1) Интерьеры А. П. Брюллова во втором этаже северо-западного ризалита Зимнего дворца // Культура и искусство России XIX века: Новые материалы и исследования. Сб. статей. Л., 1985. С. 80–92; 2) Зимний дворец 1830-х — начала 1840-х гг. и образ жизни императорской семьи // Архитектура Петербурга: Материалы исследований. Сб. статей. Ч. II. СПб., 1992. С. 121–129; 3) История портретной «экспозиции» Большого и Малого фельдмаршальского залов Зимнего дворца //Архитектурные тради. Вып. 1. СПб., 1994. С. 19–34; 4) Главная лестница северо-западного ризалита Зимнего дворца // Там же. С. 35–49.

к тому времени общественной и историографической ситуации в отношении Николая I*.

Михаил Михайлович Сафонов в своих публичных выступлениях и исследовательских работах попытался по-новому осветить роль Марии Федоровны в период междуречия, стоявшей за ней «немецкой партии» и пайщиков Российско-Американской компании, заинтересованных по различным соображениям в отстранении Николая Павловича от престола. Однако они недооценили Николая, который выиграл в противоборстве не только с Константином Павловичем, но и с Марией Федоровной. Такова логика рассуждений историка, стремящегося выявить скрытые механизмы кризиса междуречия, ставшего прологом 14 декабря 1825 года**.

На конференциях, посвященных дому Романовых в Санкт-Петербургском государственном университете в 1995 году и 200-летию со дня рождения императора Николая I в 1996 году, проведенных в Аничковом дворце и Институте истории естествознания и техники РАН, а также на «Петербургских чтениях», начиная с 1996 года, уже звучали доклады, в которых Николай Павлович вновь предстал как государственный деятель и человек своей эпохи, с присущими ему достоинствами и недостатками***.

Итоги изучению николаевской эпохи в советский период были подведены в двух главах — «Апогей самодержавия. Николай I» и «Попытки реформ на фоне тридцатилетнего застоя. Крымская катастрофа» — коллективной монографии «Власть и реформы. От самодержавной к советской России» Алексеем Николаевичем Цамутали. В центре внимания историка оказались как преобразовательная практика, так и реформаторские проекты при Николае I. При этом особый акцент был сделан на схожести позиций верховной власти и либеральной общественности, поскольку в новых исторических

* Асвариц Б. И. 1) Крюгер в России // Проблемы изобразительного искусства XIX столетия: Межвуз. сборник статей / Под ред. Н. И. Калитиной и И. Д. Чечота. Л., 1990. С. 99–116; 2) «Совершенно модный живописец»: Франц Крюгер в Петербурге. СПб., 1997.

** Сафонов М. М. 1) Междуречие // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 166–181; 2) Константиновский рубль и «немецкая партия» // Средневековая и новая Россия: сб. науч. статей. К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996. С. 592–541 и другие публикации.

*** Философский век: Альманах 6: Россия в Николаевское время: наука, политика, просвещение. К 275-летию Академии наук и 200-летию со дня рождения Николая I. СПб., 1998.

условиях той и другой стороне приоритетной представлялась не политическая реформа, а социальные преобразования. Ведь сторонники нарождающегося в 1830–1840-е годы российского либерализма в своих программах реформ «не посягали на самодержавие, не требовали конституции». Их целью была такая реформа, «чтобы при наличии самодержавия в России были установлены начала правового государства, реформирована система суда и судопроизводства, обеспечены права личности. Безусловным было требование отмены крепостного права». По мнению автора, вероятно, революционные события 1848 года в Европе помешали сближению между правительенным и общественным реформаторством*.

В первое десятилетие нового века активно стала изучаться императорская семья, что частично нашло отражение в библиографии, составленной Ю. А. Кузьминым**. Этому также способствовали выставки, посвященные императрицам Марии Федоровне и Александре Федоровне, на которых были представлены как музейные предметы, так и документы из архивных фондов, в том числе ГАРФ.

В 2000-е года возобновилось издание публикаций, посвященных Николаю I и его эпохе, начало которому положила новая версия хрестоматии «Эпоха Николая I» 1910 году под редакцией М. О. Гершензона***. Так, в 2000 году вышли сразу две — под редакцией Н. И. Азаровой**** и в двух томах под редакцией Б. Н. Тарасова*****. Однако обе они представляют собой републикацию материалов старых изданий, без исторического и текстологического комментариев. Очередной сборник материалов по николаевской эпохе вышел в 2001 году^{6*}. В 2002 году М. Д. Филиным подготовлена новая антология, опубликованная в серии «Русский мир»

* Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 255–282.

** Кузьмин Ю. А. Российская императорская фамилия. 1797–1917: Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.

*** Эпоха Николая I / Под ред. М. О. Гершензона. М., 1910. 2-е изд. М., 1911. Михаил Гершензон. Николай I и его эпоха. М., 2001.

**** Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000.

***** Николай Первый и его времена. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. Т. 1–2. М., 2000.

^{6*} Эпоха Николая I в воспоминаниях и свидетельствах его современников. М., 2001.

в лицах»*. В издательстве «Пушкинский фонд» В. В. Лапиным были опубликованы материалы о молодых годах Николая Павловича**. В 2007 году в свет вышел сборник «Николай I: Личность и эпоха»***, поступивший в продажу в 2008 году. В отличие от предшествующих публикаций он включает почти исключительно новые архивные материалы, которые в данном издании впервые были введены в научный оборот. В нем представлены письма и записки Николая I, записки членов Императорского дома, воспоминания видных государственных и духовных деятелей, а также письма и записки неизвестных лиц, являвшихся очевидцами или описателями важнейших событий николаевского царствования.

Монографическое изучение жизни и деятельности Николая I на новом уровне исследовательских задач в эти годы было начато Леонидом Владимировичем Высокочковым и Морганом Абдулловичем Рахматуллиным. «Николай I глазами современников» — идентичное название статей (но с разными оценками) этих двух историков, опубликованных соответственно в 1995**** и 2004 году***** — еще одно свидетельство повышенного интереса к фигуре Николая I. Черновые материалы к монографии М. А. Рахматуллина, в связи с преждевременной кончиной исследователя, были опубликованы в 2009 году^{6*}.

Ранее, в 2001 году, была опубликована докторская монография Л. В. Высокчкова «Николай I: Человек и государь», одну треть объема которой занимал анализ источников и литерату-

* Император Николай Первый. Николаевская эпоха. Слово Русского Царя. Апология рыцаря. Незабвенный / Изд. подготовил М. Д. Филин. М., 2002.

** Николай I: Молодые годы. СПб., 2008.

*** Николай I: Личность и эпоха. Новые материалы / Отв. ред. А. Н. Цамутали. Отв. составитель Т. В. Андреева. Составители — Л. А. Булгакова, Л. В. Высокчков, Т. Н. Жуковская, П. В. Ильин, С. Н. Искуль, И. В. Лукоянов, А. А. Михайлов, Т. Л. Пашкова. СПб., 2007. Переводы с фр. яз. С. Н. Искуля.

**** Высокчков Л. В. Император Николай I глазами современников // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 182–196.

***** Рахматуллин М. А. Император Николай I глазами современников // Отечественная история. 2004. № 6. С. 4–98.

^{6*} Рахматуллин М. А. Император Николай I и его царствование // Рахматуллин М. А. Екатерина II, Николай I, А. С. Пушкин в воспоминаниях современников / Отв. ред. А. Н. Цамутали, составитель А. Л. Хорошкевич. М., 2009. Ч. II. С. 133–299.

ры*. Историографические обзоры были продолжены в последующих публикациях**. В 2003 году в издательстве «Молодая гвардия» в серии «ЖЗЛ» была издана книга «Николай I» в другом формате. В этом издании не было обзора источников и литературы, но более полно освещена внутренняя и внешняя политика николаевского царствования. В предшествующей монографии 2001 года автор этих строк, обосновывая периодизацию историографии, писал о периоде, начавшемся с конца 1980-х годов: «На этом этапе преодоления старых стереотипов возникает соблазн некоторой идеализации государя, основной миссией которого была борьба с либерализмом и революцией, а мечтой — процветание Российской империи... Впрочем, он по-прежнему оставался неудобной политической фигурой и для использования в официальных идеологических установках не очень подходил»***. Сегодня эта тенденция к идеализации просматривается в научно-популярных работах, в которых Николай Павлович предстает без каких-либо недостатков****.

На наш взгляд, Николай I не нуждается ни в хрестоматийном глянце, ни в огульном обвинении. Хотя традиционное неприятие императора по-прежнему сохраняется в литературе, вплоть до выстраивания фантастических гипотез в духе Мариной Цветаевой — «Николай I — убийца Пушкина»*****, но обычно в работах не историков. Что же касается данного сюжета, то взаимоотношения

* Высоков Л. В. Император Николай I: Человек и государь. СПб., 2001.

** Высоков Л. В. 1) Император Николай I в историографии рубежа веков (1996–2003) // Мавродинские чтения. 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки. Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 52–54; 2) Император Николай I. Проблемы и итоги изучения николаевской эпохи (российская историография последнего десятилетия (1996–2005)// Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Серия 2. История. Вып. 4. С. 79–99.

*** Высоков Л. В. Император Николай I: Человек и государь. С. 76.

**** Боянов А. Н. Николай I. М., 2008; Тюрин А. В. Правда о Николае I: Оболганный император. М., 2010 (несмотря на полемическую резкость отдельных суждений, последняя книга вскрывает корни многих предвзятых представлений о Николае I).

***** Блеклов В. В. Самодержец и поэты: Сенсационное исследование [Николай I — убийца Пушкина и Лермонтова]: Немецко-русские исследования. Повесть-анатомия (Составлено на основании исследования Пушкина «Пиковая дама»). М., 1996.

царя и поэта объективно проанализированы лишь в работе покойного историка Р. Г. Скрынникова*.

Более адекватной фигура Николая I может предстать только после нового осмысливания событий 14 декабря 1825 года, глубокого изучения внутренней политики николаевского правительства, анализа значения Крымской войны. Параллельное рассмотрение правительенной политики и общественного нелегального движения в первой трети XIX века, сопоставление «александровской» и «николаевской» моделей взаимоотношений верховной власти и общества, изучение сложного преломления декабристских идей в реформах Николая I оказались весьма плодотворными в докторской монографии *Татьяны Васильевны Андреевой*. Посвященная исследованию официальной позиции и дворянской реакции на движение тайных объединений в царствование Александра I и начале правления Николая I, работа, в сущности, раскрывает особенности российского реформаторского процесса. Автор этих строк, рассматривая проблему конспирации в контексте правительенных и общественных преобразовательных поисков, выбора способа осуществления реформ (эволюционного и революционного), обретения исторически оптимального для России пути (западноевропейского или самобытного), развития российского типа либерализма, утверждения государственного консерватизма, считает, что влияние декабризма на Николая I было широким и многоуровневым. Осмысление династического кризиса и событий 14 декабря 1825 года подтолкнуло императора к формированию новой модели абсолютизма, новой модели взаимоотношений власти и общества, новой государственной идеологии. При этом анализ Николаем Павловичем следственных материалов и Всеподданнейших записок видных декабристов обусловил «формирование правительенных стратегических преобразовательных приоритетов — создание фундаментального законодательства, совершенствование государственного управления, решение крестьянского вопроса»**.

Безусловно, исследование истории декабристского движения, начатое историками прошлых поколений, прежде всего *Милицией Васильевной Нечкиной* и ее учениками, в том числе *Евгенией Львовной Рудницкой*, и сегодня является одним из важнейших направлений отечественной историографии. Монографии, особенно фундаментальное издание «Движение декабристов», а также статьи

* Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. СПб., 1999.

** Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительенная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 886–888.

и публикации М. В. Нечкиной, которая в своем творчестве отражала все перипетии сложной и трагической истории советской России, несмотря на то, что автор в своих выводах строго следовала ленинской теории трех этапов и трактовала декабризм в целом как только революционное движение, внесли огромный вклад в изучение декабризма*.

Е. Л. Рудницкая в своих изысканиях о П. И. Пестеле по-новому подошла к феномену «русского Бонапарта», сближая субъективные и объективные факторы в интерпретации исторических событий и идеологических явлений. По мнению исследовательницы, «в характере Пестеля, отмеченном огромным честолюбием и волей, оказались своеобразно преломленные фамильные черты и влияния, укоренившиеся в нескольких поколениях германских выходцев, делавших карьеру на службе у русского престола». Автор также подчеркивает, что «моральный релятивизм Пестеля органично сочетался с математическим складом его ума, определяя природу непоколебимости его убеждений, его последовательности в осуществлении раз поставленной цели». Но именно этим он был так близок по психологическому типу к своему победителю, т. е. Николаю I. Причем в обстоятельствах глубокого внутреннего кризиса, связанного с разочарованием в деятельности тайных обществ, П. И. Пестель «склонялся открыться», предложить императору политическую верность, служебное усердие и личную преданность, в чем «ярко выразился все тот же математический склад ума». В центре другой работы Е. Л. Рудницкой «Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года» — генезис русской модели либерализма, ее отличия от западного трафарета. В изучении последекабристского времени, определяемого автором как «золотое десятилетие русской мысли», акцент делается на значении декабризма не только в развитии русской либеральной доктрины, но и в философском осмыслении российского исторического процесса**.

Также по-новому поставлена современными исследователями и проблема взаимоотношений императора с бывшими участниками декабристских обществ, что прослеживается в монографии В. А. Шкерина***.

* Нечкина М. В. 1) Движение декабристов: В 2 т. М., 1955; 2) День 14 декабря 1825 года. 3-е изд. М., 1985 и др.

** Рудницкая Е. Л. 1) Феномен Пестеля // Рудницкая Е. Л. Лики русской интеллигенции. М., 2007. С. 17, 23; 2) Поиск путей: Русская мысль после 14 декабря 1825 г. М., 1999.

*** Шкерин В. А. Декабристы на государственной службе в эпоху Николая I. Екатеринбург, 2008.

Влияние самодержца на деятельность II Отделения СЕИВ Канцелярии анализируется в монографии финского историка П. Мустонена*. Новые исследования по истории III Отделения СЕИВ Канцелярии (А. Г. Чукарев), местной полиции (Ю. В. Тот), местного самоуправления (О. В. Морякова), чиновничества (Л. Е. Шепелев), в том числе высшей бюрократии, важны для понимания личности императора**. Новизна обстоятельного исследования *Григория Николаевича Бибикова*, посвященного А. Х. Бенкендорфу, заключается в освещении роли главы III Отделения СЕИВ Канцелярии в проведении политики Николая I***.

Современная историография представлена и обстоятельными биографическими очерками о многих государственных деятелях, составлявших ближайшее (и не только) окружение Николая I. Это, прежде всего, работы о тех, кого обычно причисляют к «просвещенным бюрократам» — П. Д. Киселеве****, Д. Н. Блудове и М. А. Корфе*****, С. С. Уварове⁶*. Издание дневников М. А. Корфа (на их основе

* *Мустонен П. Собственная Е. И. В. канцелярия в механизме властевования института самодержца. 1812–1858: К типологии основ имперского управления*. Saarijärvi, 1998.

** Чукарев А. Г. 1) Тайная полиция Николая I (1826–1855): В 2 кн. Ярославль, 2002; 2) Тайная полиция России: 1825–1855 гг. М., 2005; Том Ю. В. Реформа уездной полиции в правительской политике России в XIX веке. СПб., 2002; Морякова О. В. Система местного самоуправления в России при Николае I. М., 1998; Шепелев Л. Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб., 2001.

*** Бибиков Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009.

**** Минин А. С. 1) Министр времени Николая I — граф П. Д. Киселев. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. — 22 с.; 2) Граф П. Д. Киселев — «начальник штаба по крестьянской части» // Английская набережная, 4. СПб., 2004. С. 281–311, и др. публикации.

***** Долгих Е. В. 1) Д. Н. Блудов, М. А. Корф и проблема менталитета российской бюрократии первой половины 19 века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; 2) Личность монарха в восприятии сановника николаевского времени (М. А. Корф) // Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 5. (Российская ментальность: Методы и проблемы изучения). М., 1999. С. 134–159.

⁶* См.: Виттекер Цинтия Х. Граф Сергей Семенович Уваров. Уваров и его время. Пер. с англ. СПб., 1999; Хартанович М. Ф. Ученое сословие России: Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб., 1999. Первая глава начинается параграфом «Верховная власть и Академия наук: Николай I и С. С. Уваров (С. 14–29).

он написал опубликованные ранее воспоминания), предпринятое *Ириной Владимировной Ружицкой*, — несомненно, будет способствовать изучению механизмов принятия решений при Николае I, освещению многих вопросов внутренней политики. Не случайно исследовательница обстоятельно осветила деятельность Николая I в области крестьянского вопроса и кодификации. Она справедливо замечает, что эта деятельность императора сыграла важную роль при подготовке Великих реформ 1860-х годов*. Сотрудничество бывшего «молодого друга» Александра I — князя В. П. Кочубея со М. М. Сперанским при Николае I, деятельность князя на посту председателя Государственного совета тщательно проанализированы в обширном биографическом труде П. Д. Николаенко**.

Особое внимание в последнее десятилетие уделялось изучению национального вопроса (не все историки согласны, что можно говорить о национальной политике царизма) и анализу подходов Николая I к решению накопившихся имперских проблем. Наиболее активно изучались вопросы, связанные с кавказской политикой николаевского правительства, действиями русской армии в Кавказской войне. Огромный вклад в изучение русской армии второй четверти XIX века как самостоятельного участника вооруженного конфликта на Кавказе внесла новаторская докторская монография *Владимира Викентьевича Лапина* «Русская армия в Кавказской войне XVIII–XIX вв.». Как заключал свой труд автор: «На огромном пространстве от Черного до Каспийского моря в соприкосновение вошли две военные структуры, имеющие совершенно разные знаковые системы: русская армия, как европеизированная машина устрашения и разрушения XVIII–XIX столетия, с одной стороны, и горцы — с другой, как военная организация, соответствующая эпохе военной демократии или становления феодализма. Мирное существование между двумя названными структурамиказалось невозможным. Это стало одной из важнейших причин того, что война на Северном Кавказе приняла затяжной и ожесточенный характер»***. Итоги польской политики Николая I были подведены в коллективной монографии, изданной под грифом Института славя-

* *Ружицкая И. В.* 1) Барон М. А. Корф — историк: По материалам архива. М., 1996; 2) Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М., 2005; 3) «Просвещенная бюрократия» (1800–1860-е гг.). М., 2009.

** *Николаенко П. Д.* Князь В. П. Кочубей — первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 561–678.

*** *Лапин В. В.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008.

новедения РАН в 2010 году*. Конфессиональная политика Николая I рассмотрена в докторских работах Ю. Е. Кондакова (православная церковь***) и владимирского историка Андрея Константиновича Тихонова (нехристианские конфессии****).

В настоящее время немало исследований опубликовано по государственной идеологии («Православие — Самодержавие — Народность»). К более ранним публикациям относится статья Бориса Федоровича Егорова о понимании «народности» в окружении Николая I. Как подчеркивает автор, «сам Николай, принимая формулу Уварова как официальный лозунг, был весьма равнодушен к третьей ипостаси» триады, т. е. народности. «Он одобрял “квасной патриотизм”, но не проявлял никакого интереса к народной культуре, к фольклору, к этнографии»****. Из трудов последнего десятилетия — это работы Андрея Леонидовича Зорина, посвященные генезису государственной идеологии второй четверти XIX века. Как подчеркивает автор, своими корнями она уходит в политическую теорию немецкого романтизма. При создании столь сложного идеологического феномена С. С. Уваров стремился соединить на русской почве идеи Ф.-В. Шеллинга и И.-Г. Фихте «о построении национального государства и воспитания национального характера через образовательную систему государства», с охранными гарантиями в виде российского самодержавия и православной церкви*****. Схожие подходы характерны для работ саратовского историка Сергея Валерьевича Удалова. Проблема «Россия и Запад» глазами Николая I, теория официальной народности — проблемы, исследуемые автором. Главное внимание С. В. Удалов уделяет изучению процесса функционирования и пропаганды государственной идеологемы. Исследователь показывает, что главной задачей николаевского правительства в сфере идеологии была подготовка России к противостоянию революционным событиям и лозунгам Европы,

* Польша и Россия в первой трети XIX века: Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830 / Отв. ред. С. М. Фалькович. М., 2010. С. 390, 402–403, 416 и др.

** Кондаков Ю. Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003.

*** Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII — начале XX в. 2-е изд. СПб., 2008.

**** Егоров Б. Ф. Понимание народности в окружении Николая I // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДР) ИРЛИ РАН. СПб., 1977. С. 426–429.

***** Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX вв. М., 2001.

а также формирование нового европейски образованного поколения россиян, тесно связанного идеей национального единства, православным вероисповеданием и верноподданническим чувством*.

Николай I и просвещение, власть и цензура — тема исследований московского историка М. М. Шевченко** и других исследователей. При характеристике общественной мысли николаевской России на противоположных позициях находятся ярославская исследовательница Е. Л. Сараева, посвятившая свое докторское исследование классическим западникам***, и калининградский историк *Владимир Николаевич Шульгин*, в своей докторской монографии выдвинувший новое понятие «свободные консерваторы», имея в виду известных деятелей русской культуры (Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Ф. И. Тютчев, П. А. Вяземский)****. На широком историческом фоне государственная деятельность П. А. Вяземского была рассмотрена также рязанским историком П. В. Акульшиным*****.

Анализ обстоятельств смерти Николая Павловича подведен в статьях историка медицины *Игоря Викторовича Зимины*^{6*}, медика

* Удалов С. В. 1) Теория официальной народности: механизмы внедрения // Освободительное движение в России: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2005. Вып. 21; 2) Государственная идеология в России второй четверти XIX века: Пропаганда и реализация. Автореф. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005; 3) С. П. Шевырев и пропаганда официальной народности в николаевской России (1830 –1840-е гг.) // Деятели русской науки XIX веков. Вып. 4. СПб., 2008. С. 353–369.

** Шевченко М. М. 1) Император Николай I и ведомство народного просвещения // Философский век. Альманах. Вып. 6: Россия в николаевское время: Наука, политика, просвещение. К 275-летию Академии наук и 200-летию со дня рождения Николая I. СПб., 1998. С. 100–116; 2) Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003.

*** Сараева Е. Л. 1) Русское западничество: идеология национального самоопределения. Ярославль, 2009; 2) Классическое западничество: концепции цивилизационного развития России в Новое время. Автореф. ... докт. ист. наук. Иваново, 2010.

**** Шульгин В. Н. 1) Русские свободные консерваторы XIX века об остзейском вопросе. СПб., 2009; 2) Русский свободный консерватизм первой половины XIX века. СПб., 2009.

***** Акульшин П. В. П. А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России. М., 2001.

^{6*} Зимин И. В. «Медики и самодержцы»: загадка смерти Николая I // Отечественная история. 2001. № 4. С. 57–66.

Юрия Молина* и в коллективном труде под редакцией Г. Г. Онищенко, посвященном медицинскому обеспечению первых лиц России в XIX – начале XX в.** Общий вывод объективных исследований не подтверждает версию о самоубийстве Николая I, но остается простор для различных версий смертельного недуга. Несомненен и психологический стресс, способствовавший ослаблению организма Николая Павловича, и ранее, вопреки распространенному мнению, не отличавшегося «железным здоровьем»***.

Таким образом, оценки современников и историков императора Николая Павловича, как человека и государя (личную жизнь трудно отделить от государственной деятельности, Николая I от николаевской эпохи), были различными. Но следует признать, что в современной отечественной историографии правление Николая I получило более объективную оценку, а образ самодержца, уже не символа, а человека с его достоинствами и недостатками, стал более многогранным и приближенным к реальности. Сегодня большинство историков, литераторов, искусствоведов, занимающихся николаевской эпохой, считает, что царствование Николая I являлось временем, подготовившим эпоху Великих реформ 1860-х гг. Умеренный консерватизм Николая I, выступавшего за «реформы сверху», способствовал этому эволюционному процессу. Впрочем, судить читателю, взявшему в руки эту книгу, где представлены самые разные точки зрения. Составители сборника не пытались указать на правильный выбор и не стремились вынести приговор «суда времени». Не всегда и не у всех выводы могут быть однозначными... Но для этого и существует серия «Pro et contra»!

* Молин Ю. Романовы: Путь на Голгофу. Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2002.

** Медицина и императорская власть в России: Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX века. По материалам деятельности Придворной медицинской части Министерства императорского двора Его Императорского Величества. 1 января 1843 – 15 июня 1918 г.: Авторский коллектив: С. В. Девятов, В. И. Желяев, И. В. Зимин, Б. П. Кузькин, С. П. Миронов, Г. Г. Онищенко, А. Р. Соколов, В. А. Степанов / Под ред. Г. Г. Онищенко. М.: Медия Пресс, 2008.— 326 (1) Гл. 2. Император Николай I. С. 41–63.

*** Записка о болезни Николая I. 1829 г. // Николай I: Личность и эпоха. Новые материалы. С. 391–395.